

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анастасия МАШЕВСКАЯ
КОПЬЕ И КОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Бану не зря нарекли Матерью лагерей — вся ее жизнь сузилась до походных шатров и переправ. Никто не видел ее отдыхающей, никто не знал, как черны сомнения в ее сердце. Каждый день Бану встречала рассвет, повторяя: сегодняшний бросок, сражение, штурм — не напрасны. Но как долго она еще сможет убеждать себя, что война имеет смысл, если ее надежды тают, как весенний лед, одна за одной? Если в собственных рядах исчезает доверие? Если семейные узы не значат больше ничего и все теперь зависит от того, в чьей руке зажата последняя игральная кость?

Анастасия Машевская

Копье и кость

© Анастасия Машевская, 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Лето стояло в разгаре.

Воинство под пурпурными и голубыми стягами двигалось на северо-запад. Люди быстро загорали, изнывая от духоты. Ничего удивительного — в Долине тысячи рек летом всегда стоит нестерпимая жара.

— Великая Мать, как в пропаренной купальне!

— И не говори! — иногда ловила ухом танша на дневных биваках.

«Если это купальни, то ласбарнские пустыни — печь для сжигания людей заживо», — думала Бану в такие моменты. Интересно, а мог Гор податься именно в Ласбарн? Хотя с чего бы...

Тренироваться в это время было трудно, и Бану с Маатхасом решили как можно быстрее совершить бросок до Бенры — одной из самых могучих и полноводных рек Яса.

Переходы были стремительны, и разговоров было немного. Отличный шанс оглянуться и окинуть взглядом все, что осталось за плечами. Или на плечах? Ритмично раскачиваясь в седле, Бансабира невольно вспоминала, как уже в пять, в доме отца, влезала на лошадь, цепляясь за гриву тонкими пальчиками. В шесть — теперь Бану помнила хорошо — она впервые встретила Маатхаса в урочище Акдай, куда поехала с отцом, таном Сабиром Свирепым. Сейчас танша поглядывала на Маатхаса, что скакал сбоку и держал коня вровень с Бану, и спрашивала себя: помнит ли он?

В семь вышла в море с братом-бастардом Руссой — незабываемые впечатления! Бьющие в борта яростные волны и удаляющийся китовый хвост — Бану многое отдала бы, чтобы увидеть их вновь. Может, шанс еще представится, если ей посчастливится выжить в Бойне Двенадцати Красок.

Ее начало Бансабира тоже помнила отлично. И стоило подумать об этом, губы женщины вытянулись в прямую линию.

Ей тогда по-прежнему было семь, они семьей гостили в крепости Сулаввах, недалеко от границы ее родного Пурпурного танаара и земель соседа — лазурного тана Маатхаса. Была свадьба и торжество, и — коварная атака Алого дома за право выхода к Северному морю. Началась Война Розы и Бирюзы — Шаутов и Маатхасов, — но в считанные недели в нее втянулись все двенадцать танов Яса, и континент потонул в крови.

Бансабиры эти дни уже не коснулись: потерявшая мать во внезапной стычке с алыми, она скиталась по Ясу несколько месяцев, пока не встретила Гора. Он спас ее и увез. Когда Бану вошла в Храм Даг, что раскинулся белой крепостью посреди Великого моря, ей все еще было семь.

Гор — легенда из легенд Багрового храма, первый номер в сто шестом поколении Клинков Матери Сумерек, наставник Храма Даг — измывался над ней до последнего дня обучения. Он научил ее убивать врагов, как она и мечтала; он позволил ей разделить свое девичество с юношей, который был дорог; он заставлял ее пытать людей, показал море и красные пески Ласбарна; он спасал ее жизнь всякий раз, когда кусали змеи или били люди, он даже взял ее в странствие, в котором Бансабира встретила Верховного друида Этана — почтенного Таланара Тайи! И тем не менее он измывался над ней. Потому что все самые суровые раны подарил своей рукой. Потому что едва ли не каждую зашивал сам. Потому что Астороше, который стал для Бану первой любовью, Гор искалечил жизнь.

И ей тоже. Поэтому, когда обучение закончилось, Бану сбежала из храма. Чтобы вернуться к отцу и убивать врагов. А иначе зачем еще было терпеть этого выродка почти восемь лет?!

Бансабира перевела дух в седле, когда конь прыгнул через брошенное на тракте бревно.

Навыки в конной езде часто помогали выжить. Отец принял вернувшуюся воительницу-дочь без вопросов, вернул ей право наследования, как первенцу. А потом всучил три тысячи солдат и отправил воевать. Бойня Двенадцати Красок горела всеми огнями на карте Яса, и Сабиру нужны были любые силы. Он наказал дочери невидимой тенью следовать за Маатхасом и помочь ему, если у лазурного тана будут проблемы при атаке оранжевого.

О, у Маатхаса тогда была масса проблем! И у Бану — тоже. Со всех сторон ее обступали то синие Наадалы, то черные Дайхатты, то оранжевые Ююлы, то — чаще всего — алые Шауты. И всегда, всегда в спину дышал недовольный их родством дед — тан Сиреневого дома Иден Ниитас. Если бы не помощь Рамира Внезапного, давнего товарища по Храму Даг, Бану точно не справилась бы: только разведка этого малого позволяла ей маневрировать среди врагов с тающими тремя тысячами.

Многое легло на плечи за первый год участия в походе: выжженные дотла крепости, запятанные офицеры, вырезанные безоружные селяне. Но страшнее всех были осады, особенно та, когда на помощь осажденным оранжевый тан выслал подкрепление, превосходящее силы Бану вчетверо. И когда атаку удалось разбить — Гобрий, отличный командующий, потерял в той битве глаз, — оранжевые выгнали тысячи женщин и детей, чтобы продовольствия, запасенного за стенами крепости, хватило дольше.

Бансабиру передернуло прямо в седле. Так сильно, словно судорогой свело все мышцы разом. Плач детей и женщин, которых, если не разойдутся сами, она приказала расстрелять из луков и арбалетов, снился всякий раз, как удавалось заснуть. Благо это случалось нечасто: то Рамир приволок ей плененную Сциру Алую, в чьей засаде погиб отец Маатхаса; то она сама, особенно в последние дни, стала ночами размышлять о попутчике.

Сагромах Маатхас просидел в окружении оранжевых Ююлов несколько месяцев и, когда Бану перетянула на себя часть их сил, пробил кольцо осады изнутри. Он был признателен за помощь. Освободившись, взял ставку дома Ююл, чем полностью сокрушил Оранжевый танаар, и отправился сказать «спасибо». Однако, как выяснилось при встрече, Сагромах оказался стократ благодарней за возможность снести голову Сциры Алой собственными руками — Бану вручила ему молодую генеральшу Шаутов как трофей.

С тех пор они проводили вместе много времени, и если сначала Бансабира говорила себе, что лазурный тан просто напоминает ей нравом Астароше, то теперь была вынуждена признать: она все реже искала в поведении Сагромаха черты возлюбленного из Храма Даг. Может, все дело в том, что отец, посылая ее на запад страны в качестве подмоги союзному тану, имел какой-то умысел на их счет? Когда слишком долго смотришь на то, что должно стать твоей судьбой, перестаешь понимать: а было ли так предначертано на самом деле.

Бансабира присматривалась к Сагромаху искоса, украдкой. Как он держит поводья, как сидит верхом, как хмурит черные брови, как щурится, вглядываясь вдаль. Его невозможно прочесть, но он тоже наверняка все понимает. В негласном союзе северян Яввузы всегда держали за собой право последнего слова, поэтому, если Сабир Свирепый что-то задумал, их с Сагромахом спросят только из вежливости.

Недалеко от выбранного тракта пролегла Вильха — крупная широкая водная лента,

пересекающая открытую со всех сторон равнину. Гулявшие в долине ветра обдавали легким бризом, местность позволяла в случае опасности увидеть врага издали, словом, таны дали добро ненадолго стать лагерем.

Отрабатывать индивидуальное мастерство и групповые маневры стало легче — свежесть прибавила сил. В один из дней, закончив с учениями своих солдат, Маатхас отправился к Бансабуре. Они быстро обрели привычку вместе обедать и ужинать, и тан успел привязаться к размеренной речи Бану. Кажется, на его памяти она одна могла говорить так бесстрастно о любых на свете вещах, и только глаза — мертвые с другими — с ним всегда выдавали какое-то чувство. Удивительные глаза, признавал Сагромах, особенно в полумраке, когда в них одновременно читались печаль, усмешка и какая-то роковая решимость. Да и сама Бану с наступлением темноты делалась совсем другой.

Он не мог понять, что Бану научилась у солнца блистать, отвлекая внимание от истины, которую познавала от луны, но уже безошибочно знал, что Бансабира — дитя тьмы. Верное, послушное чадо, не страшющееся родителя, даже если что-то в нем и внушает тревогу.

Сагромах догадывался, что именно, но даже не думал спрашивать наверняка. Если Владыка Вод и Мать Земли будут милостивы, в одну прекрасную ночь Бану сама расскажет все как есть.

— Где тану Яввуз? — спросил Сагромах, не застав Бансабиры у себя.

— Не возвращалась еще с утренних упражнений.

До сих пор? Ладно, не в первый раз.

— Охрана с ней?

— Да, — ответил стражник.

— А Юдейр?

— Тоже.

— Далеко отсюда?

— Не знаю, — пожал плечами стражник. — Но уезжали утром в ту же сторону, что обычно.

Маатхас кликнул оруженосца, вскочил в седло и с летящим сердцем поехал в указанном направлении.

Далеко впереди показался человек. Он неторопливо шел вдоль берега с таким видом, будто ничто в мире его не волновало. Не то чтобы лениво слонялся от нечего делать — просто шел, останавливался, шел в обратную сторону, останавливался, смотрел на другой берег и вновь шел. Одет в черное, в руке — сверток ткани. Он давно приметил всадников, а всадники его — недавно.

— Должно быть, лазутчик, — подсказали Бану охранники.

Танша промолчала и велела ехать навстречу страннику. Последний, поняв, что конная группа направляется к нему, перестал разгуливать и замер.

«Ага, должно быть», — хмыкнув, мысленно подтвердила Бансабира, когда смогла опознать путника. Она воздела правую руку, левой натянув вожжи.

— Ждите здесь. — Спешилась, вручив поводья сидящему по соседству Одхану, и в одиночку продолжила путь.

По мере того как она уходила от телохранителей, Маатхас, напротив, их нагонял.

— Не боишься, что нас заметят? — спросила Бану.

— Парням, которых взял с собой, я доверяю, как тебе, а те, что могут доставить проблемы, уже давно заподозрили неладное и метят на мое место. Ну понятно, что через мою же собственно голову, преподнесенную старому Шауту. Я, само собой, делаю вид, будто ничуть не понимаю происходящего.

— Стало быть, мне стоит поторопиться?

Рамир покачал головой:

— Не настолько, чтобы перестать получать удовольствие от событий.

— Все равно, не ожидала встретить тебя здесь. К тому же так открыто.

— Сам не ожидал, что наткнулся на тебя именно тут. Думал, придется подгадать ночь и опять через поверенного вытаскивать из лагеря или пробираться самому под видом твоей тренировки. Но пару дней назад уловил, что к чему, и решил хоть раз увидеться под солнцем, — ответил Рамир. — Правда, не думал увидеть здесь столько свидетелей. Они что, повсюду за тобой таскаются?

— Забудь о них, — отмахнулась женщина.

— Тебе виднее.

— Наконец-то перестал «выкать», — хмыкнула Бану. — Как ты здесь оказался?

— Я же разведчик, — усмехнулся Рамир, присаживаясь на песок. — Я обязан уходить далеко вперед. Например, сейчас моя задача — посмотреть, что делается на этой стороне переправы, в тридцати милях от лагеря алых, и убедиться, что здесь никого нет, — улыбнулся, взглянув снизу вверх на стоявшую рядом женщину.

— Ты пришел пешком? — Бану спросила так, будто сама уже ответила «нет».

Рамир наигранно развел руками:

— Мы с тобой ласбарнские пески переходили, а ты удивляешься такой незначительной прогулке.

Бансабира молчала и смотрела на мужчину до того выразительно, что тот, вновь отвернувшись к реке, вынужден был продолжить:

— Меня ждут милях в трех отсюда, велел им уложить коней на землю, сесть рядом и укрыться зелеными плащами.

Бану кивнула.

— И ради чего ждут?

Рамир посерьезнел:

— Мы кое-что нашли в одной из захваченных Маатхасом крепостей оранжевых. Кое-что, прекрасно увязывающееся с тем, что я прежде украл у старого Шаута. Кое-что, имеющее прямое отношение к дому нашей светлейшей государыни.

Бансабира огляделась — телохранители стоят неподалеку, где велено. И с отрядом, судя по всему, еще Маатхас ждет. Что он тут забыл? Может, какие новости.

Наклонилась, сняла полусапожки, развязала шнуровку вдоль голеней, закатала штаны до колен и зашла в воду. Блаженная улыбка расплылась по лицу. Наблюдавший Рамир вздернул бровь:

— А твои удалцы не решат сейчас, что это я склонил тебя к разголению, и не помчатся выкалывать мне глаза?

Бану запрокинула голову от удовольствия, вызванного прикосновением воды к разгоряченным после тренировки ступням. Потом нехотя ответила:

— Нет, я же их потом заставлю себе глаза привыкать.

— Ну, это будет потом, а пока тебе может угрожать какой-то чудаковатый недомерок.

— Знаешь, среди них есть один, здоровый такой, я ему больше полугода не разрешала подходить ко мне ближе чем на двадцать шагов. Один раз он тоже решил, что это не относится к ситуациям, когда мне что-то угрожает, потом поумнел. И остальных он убедит, поверь.

Рамир пригляделся к стоявшим поодаль всадникам и засмеялся.

— Точно, такой может. Ну, раз так... — Мужчина стянул через голову тунику, оставшись в тонкой безрукавке. — Жарко.

Бансабира потянулась, глядя вперед, на сияющее солнце.

— Шаут захоронил голову дочери? — спросила довольно громко. Однако вода и ветер поглощали звук, и Рамиру пришлось напрячь слух, чтобы расслышать.

— Да, и прилюдно поклялся водрузить на ее могиле твою. Насаженную на пику, разумеется.

— Разумеется, — согласилась Бану.

— Возможно, он пооберет, если ты вышлешь ему остальное.

— Остальное кормило псарни двое суток.

— Рачительная ты хозяйка, Бану, — неопределенно сказал Рамир.

— Да уж, — проговорила женщина.

Рамир заметил, как дрогнуло до того прямое плечо.

— Ты чего? — напрягся мужчина.

Танша глубоко вздохнула, обернулась и вышла из речки, сев рядом с разведчиком. К нескрываемому недовольству или недоумению тех, кто ожидал неподалеку.

— Больше года минуло с тех пор, как я ушла из храма и рассталась с Гором. И знаешь, Рамир, я, кажется, начинаю его понимать. Прежде я искренне верила, что он изверг, а сейчас понимаю — это не совсем так. Потому что, Рамир, мы все, все — Гор, ты, я, Шавна, Астароше, Ирэн Безлика, Габи, Ишли — все, кто прошел обучение в Храме Даг, мы все — изверги. Как будто нам вместе с черной саблей вбивают в кровь зверство. И боюсь, с годами нам все больше и больше будет чуждо человеческое.

Бану замолчала, точно связками зажимая ком в горле. Рамир понял все безошибочно.

— Бойня — страшная вещь, мы с детства знаем. Но бойня — для бойцов, это мы знаем тоже. При чем здесь те, кто не носил оружия и не отирал лоб кровью? Ты ведь об этом думаешь? — Бану продолжала молчать, закрыв глаза. — Они тебе снятся?

Она покачала головой:

— Нет. Они не дают мне уснуть. Всякий раз, когда я слышу громкий звук или, того хуже, лай собак — а эти треклятые волкодавы воют каждый день, — я вспоминаю тот плач. Пятидневный плач женщин и детей, сначала от безысходности, потом — от жгучей ненависти. Меня еще никогда никто так не ненавидел, Рамир, как они, когда поняли, что ворот я не открою, а весь провиант в округе давно зачищен.

Рамир не удержал вдоха:

— Ба...

Она перебила:

— Каждый раз, когда вижу командиров лучников, вспоминаю, как отдавала приказ перестрелять тех, кто не уйдет. Каждый раз, когда... кхгм, — осеклась, чувствуя, как от слез стекленеют глаза.

— Разве ты могла решить иначе?

— Не знаю.

Рамир нахмурился — явно надеялся услышать другой ответ.

— Гор учил тебя не сомневаться и не колебаться. Да и я, помню, пару раз говорил нечто подобное.

— Но не Гору пришлось отправить на тот свет тысячи непричастных к войне, безоружных людей. Ты сам носишь черную метку Матери. Ты знаешь, что Багровый храм велит беречь тех, через кого Великий Род вершит свой замысел. Это грех, в котором я не могу обвинить Гора, тебя или еще кого бы то ни было.

— Чтобы ты стала такой, Гору — как и многим из тех, кто вел групповые тренировки, и тем, кто вообще заложил основы Храма Даг, — приходилось изо дня в день быть жестоким. Думаешь, ты одна терзаешься собственной бесчеловечностью? Думаешь, Гор не думал, что ты и есть маленький вариант той, которую надо беречь потому, что через нее вершится промысел Рода? Ты ведь вошла в храм в свой первый день, не рабыней, а гостьей. Думаешь, Гор забывал об этом хоть на день? Ты, сколько тебя помню, хотела убивать врагов, и Гор сделал все от себя зависящее, чтобы помочь тебе. Разве ненависть и злость, что он растравил в тебе, не сделали тебя сильнее и свирепее, волчица? — Вопрос не требовал ответа, и Рамир продолжил: — Поверь мне, это решение каждый день давалось ему не без труда.

Бансабира замерла, оглушенная.

— Что ж, думаю, — проговорила женщина, переживая едва ли не самое сильное удивление в жизни, — думаю, имеет смысл поверить. В конце концов, вы из одного поколения. Ты его неплохо знал.

Рамир кивнул, не глядя на женщину и потирая саблю на левом плече.

— Верно, Бану. Поэтому вспоминай о том, что я рассказал тебе, всякий раз, как надумаешь терзаться. Беспощадным может быть только тот, кто сумел заставить себя быть таковым.

Возразить было нечего.

— Сила заставлять себя вообще присуща слишком немногим, — проговорила женщина вслух и неожиданно откинулась назад, распластавшись на земле. — Дан становится все лучше. Думаю, он имеет все шансы со временем стать отличным лидером. Точно не хочешь рассказать ему о себе?

— Точно. Даже если человек сильно и долго сожалеет о прошлом, он на самом деле не хочет, чтобы оно возвращалось, когда он наконец научился жить в настоящем. Независимо от того, что человек потерял и что говорит окружающим.

— Ты слишком умен.

— Нисколько. У каждого есть часть прошлого, которую, представься шанс, прожил бы иначе. Только этим сожалением люди и учатся. Я же дурак дураком.

— Ну не такой уж дурак, — ответила Бану, принимая сидячее положение. — Ты ведь понимаешь, ради чего я снимала сапоги?

— Чтобы постоять в воде? — Два взгляда встретились. Взгляды, которые не были ни добрее, ни честнее за последний год ни с кем иным.

Рамир потянулся за сапогами танши и, подавая их, как-то неловко завалился на землю, что-то поправил в собственной штанине и, кажется, случайно что-то обронил в женскую обувь. Бансабира начала медленно надевать сапожки, оправляя форму, закрывая обратно голени и неспешно затягивая шнуровку.

— Как же неловко их прятать-то, — тихонько пожаловалась Бансабира, шелестя небольшими свитками. — Так, чтобы я еще и прочесть потом смогла.

— Уж изловчись. Мне все это тоже достается не без потерь.

— Мне вот интересно, Рамир... — Теперь, когда мужчина поднялся, Бану смотрела на него снизу вверх. — Ты точно не производишь из знати? Я понимаю, почему такой дрянью занимаюсь я: это дело моей семьи и обязанности дома, к которому я принадлежу, — но никак не уловлю, почему во всей этой каше замешан ты. Больше того, почему ты жертвуешь столь многим и делаешь столь непростое за не самую значительную плату?

— А что такое «значительная плата», Бану? — добродушно улыбнулся Рамир, натягивая тунику. — Если мне хватает, значит, цена уплачена и вполне достаточна.

— В таком случае он будет жить столько, сколько тебе нужно. Но, — воздела указующий перст, — только после того, как проживет столько, сколько нужно мне.

— Да понял уже, — засмеялся мужчина и протянул Бансабуре руку, помогая встать. Женщина отряхнулась и огляделась. Ждут. Хорошо, как борзые на изготовку.

— Я бы спросила, что ты намерен делать дальше, после того как для тебя все закончится, но, думаю, уже знаю следующий твой шаг.

— Пожалуй, — хмыкнул мужчина с пониманием. — Береги себя, Бану.

— И ты себя, Рамир.

Они улыбались, солнце играло в их волосах, и река с шепотом уносила все печали. Особенно те, что так и не сошли с уст.

Бансабира возвращалась к ожидавшим ее мужчинам. Солнце жгло спину.

— Доброго дня, тан, — вежливо сказала женщина, принимая от Одхана уздцы коня и забираясь в седло. — Не стоило утруждать себя ожиданием.

— А вам не стоило заставлять меня изнывать от голода. Признаться, время обеда. — Маатхас почесал бороду, усмехнувшись. В груди закопошилось какое-то страшное древнее чудовище, которое подначивало мужчину тотчас же вцепиться в Бану, затрясти и потребовать ответа — что это за недомерок с ней флиртовал?! Сагромаху стоило немалых трудов сдерживать зверя.

— Тогда пойдемте, растрясем толстопузых кашеваров! Я, честно говоря, сама готова съесть медведя, — как ни в чем не бывало отозвалась Бансабира.

— Боюсь, с ними здесь не так просто, — пошутил тан, пока они еще сдерживали коней. Те нетерпеливо переминались с ноги на ногу, пофыркивая. Маатхас еще разок почесал подбородок — с другой стороны.

— Да сбрейте вы эту свою ценность! В таком пекле совсем не холодно, — усмехнулась женщина, старательно скрывая желание самой хоть раз дотронуться до его бороды, до его худого лица. Хотя бы — до его ладони сейчас.

— А вдруг я скоро вернусь на север?

Пустились галопом. Маатхас всю дорогу, стараясь не выглядеть сильно мрачно, размышлял над тем, что Бану, должно быть, нравятся гладко выбритые мужчины. Вон тот выродок, которому она битый час улыбалась и с которым вела себя естественнее, чем иные держатся с лучшими друзьями, совсем не носил ни бороды, ни усов. И еще был скорее среднего сложения. Возможно, Бансабира недолюбливает крупных мужчин — не зря же она вечно гоняет несчастного Раду больше всех остальных.

Может, в свое время ее обидел какой-нибудь увалень?

Думать об этом было совсем неприятно, и Маатхас продолжил оценивать того неуклюжего недоумка, который даже сапог нормально подать не может.

Когда тан и тану наконец уединились за обедом, Бансабира в ответ на расспросы Маатхаса рассказала о четырех новобранцах в личном отряде телохранителей, а заодно о намерении сняться с лагеря в течение суток.

Выставив мужчину за полог после трапезы, развернула послания Рамира, велев страже снаружи под страхом смерти никого не впускать. Пристально вглядываясь в каждую строчку, Бансабира со все бóльшими усилиями сдерживала нараставшую ярость.

Бенра под солнцем блистала. Полноводная, могучая жила, питавшая всю середину Яса. Богатая рыбой и птицей, она соединяла многие земли — от владений черных Дайхаттов на западе до Зеленого дома Аамутов на востоке; многочисленные рукава и притоки ее, подобно выюнам, стелились во все стороны на далекие мили, образуя щедрую, плодородную Долину тысячи рек.

С тех пор как Война Розы и Бирюзы — Шаутов и Маатхасов — разрослась в Бойню Двенадцати Красок, Бенра утратила часть богатств, поглотила множество кораблей, железа и мореходов, не желая того, очернила себя грязью человеческих междоусобиц. Но, кажется, совсем не ubyло от этого ее величие, не оскудели тучные стаи рыб, и по-прежнему большая волна прибывала к берегу седым серпом пены.

Здесь-то и ждал единственную дочь-тану и союзника-тана Сабир Свирепый.

Он вышел встречать прибывающих лично. Не сдерживаясь, Бану быстрее загоняла коня, привстав в седле, отрываясь от остальных вместе с телохранителями и Юдейром. В последний момент, натянув вожжи, ловко соскочила на землю.

— Приветствую, отец! — улыбнулась молодая женщина. — Да пребудут с тобой боги! — Стоило ей попытаться встать на колено, Сабир удержал дочь за плечи, коротко обняв. — Это не положено, отец. — Бану слегка смутилась.

— Здесь я решаю, что положено, — так же тихо ответил Сабир. — Пребудут и с тобой, Бансабира, — сказал громко. — Маатхас!

— Будь здоров, Сабир! — Маатхас спрыгнул на землю, пожал руку Свирепому. Бансабира уже здоровалась с братом.

— Ты тоже здесь? — Бансабира искренне удивилась.

— Точно, — улыбаясь, ответил Русса. — Мы решили, что пора северянам устроить небольшой общий кутеж. — Бану недоверчиво посмотрела на Руссу, боковым зрением подмечая неподалеку кузена Хальвана. — К тому же и повод есть. — Русса обнял сестру, положив тяжелую руку на плечо. На лице Бансабиры отразилось еще большее недопонимание.

Ближайшие мужчины засмеялись, Маатхас сделал шаг в их с Руссой сторону:

— Не помните, тану? Я говорил вам, что в этом месяце мне стукнет тридцать первый год.

Праматерь, и впрямь. Да какое тут дело до чьих-то дней рождения? Она и свой-то последний «пропустила», а все предшествующие имели ценность только потому, что с их помощью можно было отсчитывать срок пребывания под рукой Гора.

— Да, простите. — Бансабира попыталась изобразить смущение. — Надеюсь, я не пропустила день, когда вас следовало поздравить?

— Надеюсь, и не пропустите: это будет послезавтра.

— Устроим игры и состязания! Пора заставить вздрогнуть этих теплолюбивых хлюпиков не только булавами да топорами! — прогремел Сабир, победно воздев кулак.

— Да! — проревело окружение.

— ДА! — дружно подхватили дальние ряды приближенных, не вполне понимая, о чем речь.

Сразу после совместной трапезы с полководцами и командующими Сабир и Бану уединились в шатре последней. Тан сообщил дочери, что Яфур Каамал разбил наголову одну из армий Вахиифов. Правда, не без помощи новоявленных союзников Раггаров.

— Ты ведь знаешь, что Раггары договорились с Шаутами о ненападении? — спросил Сабир.

— Я знаю, что все куда хуже, и эти двое готовят династический брак. Свадьба назначена на середину августа.

— Уверена?

— Больше, чем в твоём Юдейре.

Сабир, рыкнув, вздохнул.

— Каамалы превращаются в обоюдоострую спицу, не так ли, отец? — без тени улыбки спросила Бансабира.

— Восемь лет назад я верил, что северная кровь роднит сильнее всех союзов.

— Восемь лет назад ты верил, что я мертва.

— Не напоминай. Я рад, что ты вернулась. — Что-то неведомое зажглось, заалело в глазах и заалело в сухом голосе немолодого мужчины. — И я рад, что тебе хватает мужества вести людей. Ты женщина и не была обязана делать это.

— Но я выбрала это. И, если быть честной, выбрала задолго до того, как вообще начала понимать значение слова «выбор».

— Жалеешь об этом?

— Нет, — ответила Бану. — Это честный путь. Грязный, но честный. Будучи по эту сторону меча, ты видишь мир, каков он есть, и готов принять его зло. Лучше так, нежели с легкостью быть обманутым жизнью. — Сабир молчал, исподлобья наблюдая за дочерью. — Кстати о выборе. Я хочу переформировать отряд.

— Я думал об этом. Тебе нужно больше людей.

— Мне нужно больше лошадей — людей мне и так хватает.

Сабир покачал головой:

— Прости, но, как главнокомандующий пурпурного войска, здесь я решил сам. У тебя будет пять тысяч и из них пять сотен — из «меднотелых».

Бану всколыхнулась:

— Но они твоя личная гвардия, отец!

— «Меднотелые» — личная гвардия правителя, и ты — такой же правитель Пурпурного дома, как и я, — назидательно сообщил тан, воздев руку и сделав указующий жест пальцем. Тут же немного нахмурился, опустив руку, замолчал, подвигал плечом вверх-вниз.

— До сих пор болит? — спокойно осведомилась дочь.

Сабир поднял на Бансабину глаза. О том, что Бану заметила его недуг еще прошлым летом, в дни воссоединения, Сабир узнал быстро. Дочь оказалась весьма глазастой, так что сейчас вопрос не удивил.

— Пустяки, старая травма. — Он улыбнулся, потеряв место, куда недавнее движение послало болевой импульс. — Не говори никому, эти вороны не должны знать.

— В таком случае избегай личного участия в сражениях. — Бансабира села обратно и

вернулась к прежней теме: — Как соправитель, я требую полного снабжения лошадьми и возможность работать на югах. Месть за мою мать и прочих родичей, погибших от рук Шаутов, оставляю тебе и нашим союзникам. И, к слову, все осадные орудия и инженеров тоже.

Сабир улыбнулся уголком губ:

— Как пожелаете, тану.

Повисло неловкое молчание — еще бы, кроме происхождения и общих дел, их совсем ничто не роднит, с грустью и отчаянием подумал Сабир. Надо, надо найти нечто такое, что бы их сблизило!

Бану тихонько усмехнулась, будто могла слышать, о чем думает отец.

— В чем дело? — подался он к дочери.

— Нам нужен надежный союзник. Не такой, как Каамал.

Сабир пронзил дочь стрелами серебристых глаз. Праматерь создала мир не без доброты, подумал тан: спустя восемь лет пустоты Всеедина вернула ему человека, с которым его не связывало ничто, кроме крови и долга, но который понимал Сабира лучше всех тех, кто провел подле него жизнь.

После воссоединения отец и дочь на двоих устроили небольшую охоту в близлежащей от берега роще.

Сабир с удовольствием обнаруживал, что Бансабире нравится.

Его девочка будто от природы любила то же, что и он: нагонять зверя, поджидать в засаде, заставляя других делать то, что ей нужно, якобы по их собственному выбору, ломая волю, лишая альтернатив. Инстинкта охотника Сабир не спутывал ни с чем. И как любой охотник, Бансабира любила верховую езду и собак. Это тан тоже заметил и оценил. Сейчас дочка уже не помнит наверняка, но в раннем-раннем детстве первым животным, которого она оседлала, был танаарский волкодав Яввузов. И сейчас по необъяснимому стечению обстоятельств псы, охотничьи и бойцовые, сытые и голодные, ластились к ней, как заколдованные.

Бану подмечала эти их с отцом сходства тоже, будто удивляясь, открывая самой себе себя настоящую, ту, какой она родилась по предрасположению, а не ту, которую взрастил Гор. У нее, девчонки, не было силы удара ее отца, она не могла также далеко метать тяжелое копьё на охоте. Зато она была стократ проворнее и легче мужчин, быстрее верхом. И время от времени ей удавалось по примеру отца управляться с конем, не удерживая поводьев. Сабир был существенно тяжелее, и сила его велика: он мог замучить любого скакуна под собой, сдавливая коленями бока, заставляя животное двигаться куда нужно, останавливаться и срываться с места по танскому желанию, безмолвному и безоговорочному, добиваясь в итоге послушания даже от самых норовистых лошадей и жеребчиков. Бансабире не хватало веса, чтобы делать это столь же виртуозно, как отец. Но толстеть ради подобного, смеясь крикнула танша отцу на всем скаку на обратном пути в лагерь, она не намерена.

Вечером дня воссоединения знатная часть громадного воинства устроила попойку. Бансабира, как одна из шести женщин в командном составе (но, безусловно, наиболее высокородная из них), приказала Юдейру подготовить для нее из награбленного тончайшей работы длинную тунику, широкий пояс с золотыми нитями, плетеный золоченый воротник, украшения. Косы плести за год Юдейр научился, казалось, непревзойденно. Ловкие у него

руки, да и сам он стал гораздо ловчее и пронырливее, чем был, думала та, что сама стала украшением небольшого праздника в стане.

Этот вечер ощутимо сблизил Бану и ее охранников, командиров, семью.

Смеясь, Бансабира шла к своему шатру, опираясь на Руссу почти всем весом. Бастард выглядел вменяемее, хотя не менее счастливо. Ему действительно нравилось болтать с сестрой о всякой ерунде. Бансабира немного тормозила продвижение, путаясь в собственных ногах. Причем это обстоятельство не только не вызывало в женщине смущения, но и, напротив, казалось, веселило еще больше.

— Праматерь, Русса, кажется, я и впрямь впервые в жизни напилась, — с трудом проговорила она сквозь смех. Благо отголоски сознания удерживали Бану от повышения голоса.

— Да вижу я, Бану, — отозвался мужчина. — Но все равно будет лучше, если мы побыстрее доберемся до твоего шатра. Иначе с утра могут возникнуть проблемы с командованием.

— Кто это не примет моего командования? — прошипела женщина, отбившись от поддерживающих рук брата. Остановилась и приросла к земле как гвоздь. — Пусть попробуют противоречить Бансабаре Изящной.

Грозно сведенные брови над осоловелыми глазами и упертые в бока кулачки выражали всю решимость женщины. Если бы еще ее не шатало, ухмыляясь, подумал Русса.

— Боги, Бану, ты бы себя видела! Впрочем, надо, чтобы тебя не увидел кто-нибудь еще.

— Издеваешься надо мной? — невнятно проговорила женщина.

— Нет, — ответил Русса, протягивая к сестре руки. — Все будет хорошо. И с командованием тоже.

— Точно? — подозрительно прищурилась она. Кажется, Бансабиру обещание не убедило. Она отступила от брата на шаг.

— Точно. В крайнем случае я тебе помогу. Иди сюда.

Бану еще какое-то время хмурилась, потом смысл сказанного дошел до нее, и женщина просияла.

— Тогда пойдем, — шагнула в объятия брата. Правда, тут же опять споткнулась о свои ноги.

Русса успел вовремя удержать сестру от падения.

— Ну и что мне с тобой делать? — скалясь, спросил он, закинув сестрину руку себе за шею. Потом подхватил Бану на руки.

— Беречь, — просопела молодая женщина. И как этот замечательный человек мог напоминать ей по первости Гора? Ничего общего с тем подонком.

— Давай я, — предложил помощь мужчина уже в шатре, когда Бансабира не слишком ловко снимала короткие сапожки. Танша сидела на табурете, сияясь сосредоточиться на двоящемся лице брата. — Надо же, какие напряженные, — нахмурился, ощупывая женские ступни. Бансабира развеселилась.

— Щекотно, Русса! — пожаловалась она. Сладко потянувшись, не удержала равновесие и чуть было не повалилась на спину, если бы брат не удержал ее за ногу.

— Не дергайся ты! Так, сядь-ка на пол, разотру тебе ноги.

— Еще чего!

— Брось, Бану, все нормально. Знаешь, когда я был юнцом и Гистасп только начал

всерьез меня гонять, наша бабушка иногда растирала мне ноги. Ну, когда стоять уже не мог. — Брюнет, ухмыляясь, почесал затылок.

— Но я-то могу стоять! — возгласила Бансабира и, подскочив, с рвением принялась доказывать обратное.

Русса схватился за живот от хохота.

— Праматерь, Бану. — Утирая слезы, он поднялся и потянул к сестре руки, явно стараясь утихомирить. — Тише, весь лагерь перебудишь.

— Да кто в нем спит?!

Наконец Руссе удалось обнять сестру и поцеловать в висок.

— Я люблю тебя.

— Как ты можешь меня любить? Мы же почти не виделись с моего детства.

Мужские руки на ее спине сжались крепче.

— Мы одной крови, мы помним одно и то же, вершим одно и то же, и нам дороги одни и те же люди. Ну и нам обоим совсем незнаком наш младший брат, Бану. Мы с тобой практически одно и то же, а человек всегда любит самого себя.

— То есть ты любишь во мне себя? — Бану немного отстранилась, весело поглядев на брата.

— Я люблю тебя в себе, — примирительно произнес мужчина. — Я вложил в твою ручку лук, Бану. Я вывел тебя в море. Я тебя купал и воровал для тебя с кухни мед. С тех пор прошло много времени. Твои руки стали крепче и теперь уверенно обращаются с любым оружием. В море, если соберешься, выйдешь на своем корабле, и купать тебя я больше не могу, — наигранно раздосадовался Русса. — Да и воровать сладости больше нет надобности. Но разве это что-то меняет?

Бану, не зная, что ответить, обняла брата за талию и спрятала лицо на его груди.

— Для любви нужно не так много, как ты думаешь. — Русса погладил сестру по волосам.

— Слушая тебя, я думаю, что совсем не разбираюсь в любви.

Русса с пониманием кивнул.

— Ты еще юна.

— Я любила. — Она прижалась сильнее, чтобы тот ненароком не надумал отстраниться и посмотреть ей в глаза.

Русса глубоко вздохнул:

— Возможно, спустя время тебе покажется иначе.

— Мне не кажется, — упрямо настояла Бану. Сама отстранилась и откинула голову. — Я хотела, чтобы он был счастлив со мной.

Русса не стал удерживать сестру, разомкнув кольцо рук.

— Тогда почему ты сейчас не с ним?

— Потому что у меня не получилось. Я принесла ему только проблемы, — икнув, сообщила женщина.

— Он сам сказал?

Бансабира отошла от брата и села на табурет.

— Нет. Но он постоянно рисковал из-за меня жизнью.

— Ну-у, это ведь был его выбор, — пожал плечами Русса, усмехаясь. — Может, ему нравилось?

— Сомневаюсь.

— В любом случае ты решила за него.

Бану ощерилась:

— Да уж, похоже, единственное, что я умею, — решать за других и раздавать приказы.

— Не самое плохое качество.

— Плохое, — махнула рукой, — но приятное. Правда, не думаю, что моему мужу оно будет нравиться так же, как мне.

— Какому еще мужу? — Все-таки она хмельна, подумал Русса.

— Увидишь, месяца не пройдет, отец заговорит о моем браке.

Мужчина покачал головой:

— Ты совсем недавно вернулась в семью, не думаю, что он захочет расстаться с тобой снова так быстро.

— Но нам надо хоть что-то поставить против неожиданного союза алых и золотых. И серебряных Каамалов вместе с ними. Из детей Сабира Свирепого для брака, по понятным причинам, годна только я.

Разговор приобрел совсем неожиданное и малоприятное направление. Русса попробовал отшутиться:

— Хотел бы я посмотреть, кто в разгар бойни захочет жениться на Бану Злосчастной, Бану Проклятой и, кажется, еще Матери лагерей.

Бансабира прыснула.

— Клянусь, это самое дурацкое прозвище, которое мне могли дать.

— Но не могли же они обозвать тебя дочерью лагерей! — Русса понимающе вскинул брови.

— Отец бы не простил.

— И старый Ниитас тоже. Кстати, полагаю, не будь он твоим дедом, отец все же, надумай выдать тебя замуж, выбрал бы в родичи именно Сиреневый дом.

— Не думаю.

— Вот это верно, — похвалил брат. Зря он сам вернулся к теме. — Союзу Шаутов и Раггаров мы всегда противопоставим альянс северных кланов, и думать тут нечего.

— Каамал в союзе с Раггарами, — напомнила Бану. — Отец так долго добивался их вмешательства и так рассчитывал на их помощь, а в итоге союзный договор объединил не четыре дома, а два.

— Это не твоя забота, Бану. Ты еще не до конца освоилась со здешними порядками. Северяне грозная сила и единая, особенно с тех пор как нас заставили присягнуть Яасдурам. Так что, в конечном счете, Каамал будет на нашей стороне. И Маатхас тоже. Без всяких там браков.

Мужчина подошел к сестре, наклонился, поцеловал в темечко и пожелал добрых снов.

— Ляжешь сама или позвать служанок?

— Ну, сидеть же сама я ухитрюсь. Так что лечь подавно смогу, — смахнула она ладонь брата с волос и поднялась.

— Да благословит тебя Мать Сумерек.

— Мм... чего? — не понял Русса.

Ох уж эта привычка, упрекнула себя танша.

— Береги себя.

Дождавшись, когда брат уйдет на достаточное расстояние, Бану выглянула на улицу и

кликнула стражника.

— Приведи оруженосца.

Еще немного прожевывала слова, но в голове медленно прояснялось.

Юдейр, всклоченный, заспанный и недовольный, явился быстро:

— Да, тану.

— У тебя завтра выходной.

— Ч-чт... чего? — наконец выпалил юноша с таким видом, будто не знал, радоваться ему или оскорбляться.

— Если плохо слышишь, попросись к лекарю. Разбудишь меня за час до рассвета, и чтобы была готова холодная вода и завтрак. Дальше можешь отсыпаться хоть весь день.

— Понял, — кивнул мужчина с видом, будто не понял ничего.

Маатхас, пошатываясь, добрался до шатра, завалился внутрь, рухнул отяжелевшим расслабленным телом на ложе. И без тени сна в глазах уставился в темноту перед собой.

Что за дрянь такая? Почему, едва он потянулся, увидев захмелевшую Бану, чтобы проводить до пристанища, Сабир осуждающе взглянул на него и коротко мотнул головой? А когда Сагромах решил спросить, в чем дело, еще и угрюмо рыкнул, пресекая любую возможность разговора на эту тему? Да чем он ей не подходит?!

Сагромах повернулся на бок. Он, в конце концов, тан. Тан, северянин, полководец и воин, способный защитить женщину, которая согласится стать его спутницей! Он не так богат, как Каамал — да и пусть найдет Сабир в стране тана, который имел бы больше золота, чем Каамал Лъстивый Язык! — но он далеко не беден! Он союзник Пурпурного дома, он Сабиру почти что родственник! Не жалуется на здоровье, лицом вышел, порядочный, он...

Сердце у Сагромаха заколотилось как бешеное, в безумном беспорядочном ритме. Он было вскочил, но из-за выпитого потерял равновесие и вновь плюхнулся на расстеленное ложе. Покачался, маясь. Завалился на спину.

Праматерь, он совершенно не знает, что делать. Бану никогда не подавала никаких признаков своего к нему отношения. Равнодушная вежливость, дружелюбие, радушие — вот все, на что он натыкался. Иногда ему казалось, что в ее взгляде мелькает что-то сродни приязни, но не более того. Да и в этом Маатхас стал сомневаться после того, как увидел встречу Бану с каким-то недомерком по дороге сюда.

Мужчина зарычал. Вокруг нее вечно терлась какая-то прорва мужиков, что бесило несказанно. Однако он ни разу не видел и не слышал, чтобы Бансабира хоть сколько-нибудь проявляла интерес к ним больший, чем того требует отношение к подчиненным. Пару раз до него, разумеется, доходили слухи про маленькую таншу и ее оруженосца, уже давно, но, право, не верить же в столь абсурдную сплетню. Ко всему, Маатхас своими глазами видел, что Бану видит в Юдейре лишь хорошо обученного и не в меру болтливого раба.

Одинаково бесцветная, сухая, сдержанная. Шестнадцатилетняя, упрекнул самого себя тан. Что творилось у нее на сердце? Как с ней быть?

Не в силах найти ответ, он понадеялся на разговор с Сабиром. Двое мужчин, давние соратники и, как ни посмотри, друзья — они сумеют договориться! Будь проклят тан Сабир Свирепый, честное слово! Если бы он хоть что-то объяснил, если бы не мотал головой из какой-то никому не понятной гордыни и придури... Или все дело в том, что он просто не готов так быстро расстаться с дочкой, которую едва обрел? Что ж, Маатхас готов подождать — все равно разгар войны явно не то время, когда следует устраивать свадьбы. Хотя, конечно,

как посмотреть.

Маатхас скрипнул зубами, потер лоб, широко раскинул длинные руки и ноги. Даже не будь у них за спинами войск, он бы дал Бану срок. В конечном счете, заставлять ее нельзя. Он знает наверняка, что сумел бы понравиться танше...

Почему Сабир запретил ему проводить Бансабиру сегодня до шатра? Он, Сагромах, не идиот, чтобы спутать эту ситуацию с какой-нибудь другой.

Никогда прежде ему не было так тяжело заснуть, будучи пьяным.

Когда Сабир открыл глаза, на его походном табурете сидела Бансабира. И выглядела так, будто не она захмелела на минувшем ужине до того, что Русса, побоявшись, вызвался отвести ее в шатер.

— Бану? — сонно позвал мужчина.

— С добрым утром, отец. — В руках женщина вертела бокал с водой. — А теперь давай ты расскажешь мне, что происходит.

— О чем ты, Бансабира? — Тан поднялся на ложе, приняв сидячее положение.

— Давай ты расскажешь мне, что придумал, — пояснила Бану. Сабиру яснее не стало.

— Честно говоря, не совсем понимаю тебя, дочка. Дай-ка мне пару минут, и мы поговорим.

Спал тан в штанах. Поднялся, накинул рубаху, вышел, а когда вернулся, Бансабира подала таз с водой для умывания. Сабир все еще выглядел сонным, и Бану помогала ему с утренними процедурами, насколько возможно. Лагерь за пологом, не считая караульных, тоже только просыпался.

— Так о чем ты хотела поговорить? — спросил, ополаскивая лицо.

— Яфур Каамал как-нибудь объяснил то, что из возложенного на него союза всех северян и Раггаров вышел альянс всего двух домов?

— Бану, мы в содружестве с Маатхасом. Пока вы добирались сюда с востока, ты объяснила ему хоть один свой поступок?

— И то верно, — признала женщина. — Яфур все еще действует из-за стен или наконец показался на карте?

— Любопытно, что ты спрашиваешь. Судя по всему, у тебя хорошие шпионы.

— Хороших не так много, и они заняты большей степенью на востоке страны. Так что насчет Каамала? — Бансабира принялась раскладывать одежду отца.

— Насколько я знаю, к Раггарам ездил Этер.

— Тот заносчивый старший из братьев? — подняла глаза.

Сабир неопределенно хмыкнул.

— Именно, — принял из рук дочери тунику и посерьезнел: — С ним надо быть осторожней, Бану. Этер — лис с когтями льва.

Тан потянулся за поясом в руках дочери, но Бансабира отстранилась.

— А Яфур, видимо, тот самый лев?

— В том, что у него золотая грива, сомневаться не приходится.

Тан не опускал рук, ожидая, когда дочь подаст пояс, но Бансабира повязала его сама.

— Это вполне оправдывает рвение Раггара подружиться с соседом. — Бану обошла отца и, застегнув пряжку, подняла на Свирепого глаза. — Но не объясняет твоих поступков.

— Что? — остолбенел тан. Бансабира отошла на несколько шагов. Смотрела прямо, вызывая.

— Я часто задавалась вопросом, и никто не мог помочь мне найти ответ. Поэтому я спрашиваю у тебя, отец. Что происходит? Какого черта мы торчим здесь?

Как не вовремя она засомневалась, подумал Сабир. Попытался обойти угол:

— Бану, — шагнул к дочери, протягивая руку.

Бансабира отступила, сохраняя дистанцию.

— Мне приходится принимать решения, которые не доставляют мне никакого удовольствия, я имею право знать — зачем.

— Обещаю, однажды ты все узнаешь, — клятвенно заверил Сабир.

— Я имею право знать сейчас.

Сабир вздохнул. Настырная девчонка!

— Ты ведь знаешь, кому мы обязаны смертью твоей матери и моего брата.

— Доно-Ранбир погиб от рук бежевых, а не красных. А про мою мать и говорить нечего. Так что другим рассказывай, что ввязался в войну из-за мести.

— Б-Бансабира! — Тан даже заикнулся от подобной наглости.

— Я хочу услышать подлинную причину, тан, — взметнула она бровь. — Не узнать, а услышать.

— Месть — весомейшая из причин, как и древнее соглашение северян о взаимопомощи! — Сабир зарычал.

— Только не начинай снова петь про старые обиды танов! Думаешь, я поверю, что ты семь лет готовился к походу из-за старых обид?!

— А ты думаешь, я мог позволить собственному гневу послать неподготовленных солдат в гущу сражений? Отправить на верную гибель?! Я все тебе сказал еще год назад, и нечего сочинять всякую ерунду!

— Подумай, прежде чем соврать мне, отец! — вцепилась она взглядом в Сабира, как клещами. — Думаешь, я не вижу, что ты делаешь? — отбросив маску высокомерия, разошлась женщина. Тем не менее слова цедила довольно тихо. — Все эти попойки, совместные лагеря, теперь еще и празднование дня рождения Маатхаса! Не помню, чтобы ты торопился отпраздновать свой, мой или других наших родичей! Не держи меня за дуру, тан Сабир. Я не Русса, который слепо верит в братское родство северян! Нас предают, улыбаясь в лицо, а мы с предателем пьем одно пиво!

Хоть немного совладав с собственной яростью, Бану зашипела:

— Мне слишком хорошо видно, чего ты хочешь. Я твоя дочь, не буду ни осуждать, ни отговаривать. Напротив — у тебя куда больше шансов добиться целей с моей помощью. Я не откажусь, сколь бы ни претила сама мысль о браке. Кровавая Мать! — вскинула руки, вновь повысив голос и зашагав внутри шатра. — Насколько же низкого ты обо мне мнения, тан!

— Я настаиваю, чтобы ты звала меня отцом! — От голоса дочери грудь и горло перетянуло каленым железом обиды.

— Тогда, отец, — приблизилась она к Свирепому вплотную — два одинаково твердых взгляда схлестнулись, как мечи, — вспомни, что детей рожают и растят матери, а северяне со стародавних времен хранят мудрость: «Пусть руки отпадут у того, кто не радеет о родственниках».

Хитро прищурилась. В черном, с собранными в тугий узел волосами, при оружии. Слишком гордая, слишком сильная, слишком строгая, признал Сабир.

— Бансабира, — почти жалостливо протянул мужчина, моргнув первым. — Девочка моя, — ласково проговорил он, чувствуя, как в груди сжимается еще сильнее. Протянул руку,

надеясь обнять дочернее плечо, но Бану ударом тыльной стороной ладони оттолкнула ее и вновь отдалилась от тана.

— Во всем твоём окружении, отец, — проколотила каждое слово, — нет ни одного человека, который бы смотрел так же далеко и видел так же много, как я. Оглянись — ни один из них не поспевает за тобой, — оскалилась, вновь напомнив Сабиру дикую кошку. — Научись доверять мне хоть немного! Или Раду, Юдейр и Гобрий плохо делали свою работу в прошедший год?!

Тан окаменел на мгновение. Не давая ему опомниться, Бану вышла на улицу, широким замахом взметнув полог. Их ссора с Сабиром привлекла внимание нескольких человек. В числе первых был Маатхас — с опухшей физиономией и красными глазами. Не спал, сообразила Бану, приветственно кивнула и, обведя глазами ротозеев, прошла к своему убежищу, игнорируя все и вся.

Рядом с шатром, заметив приближение танши, поднялись с земли и выстроились семнадцать бойцов личной дружины. От одного взгляда женщины стало ясно, что она в бешенстве. Быстро пробежав глазами, Бансабира выбрала:

— Вал.

Воин кивнул и поспешил вслед за госпожой. Они отделились совсем немного, когда Бану остановилась, расцепив пряжку. Пояс, звякнув, упал. Меч с ножнами остался в руках. Присвист — и женщина метнулась в атаку.

Тан Сабир сел за стол. Каждое ее слово, каждое действие той, ради которой когда-то его сердце снова забилось, заставляло закусывать губы. Неведомое чувство вгрызлось Яввузу в межреберье — как? Как ее вообще можно хоть кому-то отдать?!

Но не отдать — нельзя. И только что Бансабира добровольно предложила себя на торги.

Бансабира согнулась пополам, упираясь ладонями в бедра чуть выше колен. Сбивчивое дыхание с сипом вырывалось из легких. Оружие валялось на земле. Как и Вал — в нескольких шагах. Нет, не потому что Бану уложила его на лопатки — танша никогда бы не доверила подбор ее личной охраны человеку, которого сама может победить без труда, — телохранитель тоже умотался. Исподлобья женщина бросила короткий взгляд на морщившегося мужчину.

— Неплохо.

Вал согласился молча, с трудом приподнялся на локтях, кивнул Бансабуре за плечо. Женщина обернулась:

— Я впечатлен, — отозвался тан Маатхас, примостившись на бревне неподалеку.

Танша распрямилась, вздохнула, немного нахмурилась. В любой другой ситуации она бы обрадовалась его компании, но сейчас в душе столкнулись смешанные чувства. Почему он всегда стоит в стороне? Зачем без конца наблюдает за ее тренировками? Почему преследует, ходит по пятам, как тень?! Ярость от ссоры с отцом она благополучно выместила в пылу тренировки, а как быть с раздражением от неопределенности?

— Неужели, — ледяным тоном отозвалась женщина. Маатхас отпрянул от такой реакции. — Вал, — обернулась к телохранителю, — можешь идти.

Боец с усилием перевел туловище в вертикальное положение и, едва поклонившись, ретировался. Провожая его взглядом, Бану констатировала:

— Вы уже сто раз видели мои упражнения. Не стоит делать удивленный вид.

Тан быстро взял себя в руки:

— Я впечатлен вашей склонностью выпускать пар скорее по-мужски, чем по-женски.

Бану поглядела на мужчину с недоверием и принялась собирать оружие. Через пару минут спросила, чего он хотел. Тан признался честно — увидеться. Убедиться, что все в порядке. Бансабира тихонько с недовольством хмыкнула и направилась в сторону шатра. Сагромах мягко придержал женщину за предплечье и с нежностью посмотрел в глаза — право, не стоит раздражаться по пустякам, к тому же срываться на тех, кто не сделал ничего дурного.

Бану почувствовала, как краснеет от стыда. Да уж, и впрямь, кто-кто, а Сагромах перед ней безвинен. Вполне возможно, он сам понимает, чего от них ждут, и потому, тоже не имея выбора, действует соответственно. Женщина со смущенным смешком отвела глаза и попросила прощения, вздернув брови. Извинения дались легко — как ни крути, а время, проведенное с Маатхасом, оказалось самым лучшим в этом походе.

— Зачем ты это сделала? — спросил Русса незадолго до ужина. — Отец рассказал мне! — сокрушался брат. — Мне казалось, мы выяснили вчера, что тебе не нужен никакой брак!

— А мне он и не нужен, — отозвалась Бансабира. Выглядела женщина хмуро, будто ее безмерно раздражало то, что Русса мешал сосредоточиться на штопанье ремешков подвязок для ножей. — Он нужен танаару.

— Сдался он танаару! — озверел Русса. — Или тебе нравится думать, что, жертвуя собой, ты всех спасешь? — Упал на пол рядом с сестрой и схватил монотонно двигающуюся руку с иглой, заставив Бану посмотреть на себя.

— Нет, — отрезала сестра. — Но когда будущее очевидно, я предпочитаю не ждать, пока судьба заставит меня принять неизбежное, а самой явиться за ним! Даже будь это трижды иллюзией, я лучше буду верить, что сама выбрала свою жизнь. В конце концов, в каком-то смысле все так и есть, — добавила тише, взглядом заставив брата отпустить ладонь.

— Что ты имеешь в виду?

— В жизни всегда нужно ясно понимать, на чьей ты стороне, и, выбрав, надо держаться ее, что бы ни случилось. Я определилась год назад, Русса, и теперь буду делать все, чего эта сторона потребует от меня. Даже если с неба повалятся разом все звезды.

— Откуда ты набралась такой идиотской решимости? — Русса нахмурился и встал. Это упрек, что ли?

— Сегодня прибыли Каамалы. Если дадут повод, стоит быть готовым пойти на любую гнусность, — безэмоционально закончила Бану.

— Владыка Вод, — прорычал Русса, вскакивая. — Сколько раз я твердил тебе, что северные кланы никогда...

— Никогда, Русса, солнце не взойдет на западе. А все то, что относится к людям, меняется ежедневно.

Мужчина глубоко вдохнул.

— Тану, — раздалось с улицы, — к ужину зовут.

— Передайте отцу, я не голодна, — громко ответила Бану.

— Что с тобой?

— Ничего. Ты иди, нехорошо заставляя тана ждать, — пресекла женщина протест.

— Ладно.

Полог взметнулся и опустился больше четверти часа назад, а Бансабира по-прежнему сидела, почти не шевелясь. Неужели звезды с неба вот так и валяются?

Щека повлажнела. Бану судорожно прижала слезы пальцами, будто это могло помочь. Повлажнела другая.

— Госпожа, с вами все в порядке? — обеспокоенно спросил голос Юдейра. — Я войду? — Оруженосец, не дожидаясь реакции танши, вошел.

Бану успела повернуться к выходу спиной.

— Тебе чего-то нужно, Юдейр? — как могла строго выговорила тану.

— Русса-Акбе сказал, что вам нехорошо, и я поспешил узнать, не надо ли вам чего. Я могу помочь?

— Помнится, я дала тебе выходной. Так иди и отдыхай — справиться с головной болью из-за недосыпа мне и Праматерь не поможет, — соврала женщина.

— Хорошо, тану, — понуро согласился юноша.

Великая, да что же она делает?

— Со мной правда все в порядке, — окликом задержала парня у выхода, обернувшись. — Но если вдруг что, я пошлю за тобой.

Юдейр обернулся, растерянно заозирался, расцвел.

— Хорошо, госпожа.

— И не опаздывай утром, завтра важный день, я полагаюсь на тебя, — улыбнулась женщина.

— Слушаюсь, тану! — отрапортовал воин и, точно пущенный с тетивы, выскочил из шатра.

Бансабира еще недолго улыбалась, восхищаясь искренностью влюбленного мальчишки, потом вновь загрустила. Мать Сумерек, как же не хватало женской заботы и ласки. Шавна, родная, дорогая Шавна, думала Бану, где ты? Где ты, о сестра по дому? Сестра по вере. Сестра по выбору...

Утром было парадное построение «меднотелых» — личной гвардии танов Пурпурного дома. Сабир шел впереди, дочь — вровень, справа от него, Русса — слева и чуть отставая.

— Не будь они похожи и не знай я, что они родственники, решил бы, что она новая жена тана, — сказал один из офицеров на ухо другому, пока Яввузы шли вдоль рядов.

— Да уж, Яввуз Свирепый в этом смысле переплюнул весь Яс — не завел ни одной водной жены, зато трех земных сменил.

— Думаешь, она правда его дочь?

— Ба! А ты думаешь, Старый Волк признал бы кого-то не своей крови?

— Да поди разбери этих танов, что у них на уме.

— Бросьте вы! Видно же, что они родственники. Лицо девчонки как по отцовскому лепили.

— Не скажи, мордашка у нее милая.

— Только нрав, говорят, кошмарный.

— Вам-то какое дело?

— Вот-вот.

— Как — какое? Такие не задумываясь режут людей вперемишку со свиньями, к ужину.

— Я слышал, она сама пыталась кого-то из Ююлов.

— И голова Сциры Алой тоже на ее совести.

— Ты красных, что ли, жалеешь?

— Да заткнитесь уже. Вам с ней детей не растить. А то, что мы пока видели, и то, что о ней болтают, дает надежду, что, когда старый пес помрет, наше подразделение не развалит сопливый мальчишка, который всю войну пешком под стол ходил и в собственные штаны гадил.

— У Яввуза два брата.

— Кто их пустит?

— Есть еще акбе.

— Он не акбе. Бастардов родичи не признают и, как правило, ими помыкают.

— Развели тут галдеж. Можно подумать, вас в итоге кто-то спросит, кому служить.

— То-то и оно. Ешь, когда дают, спи, когда позволяют, дерись, когда приказывают, — вот и все правило солдата. А то ишь, в большие дела надумали лезть.

Пышный праздник прошелся судорогой веселья по растянувшемуся, как удав, лагерю. Казалось, на один день, приуроченный к именинам Сагромаха Маатхаса, все сомнения, раздумья и недоверие отступили.

Песни, пляски, игры, состязания...

Люди, не таясь, громко шутили, ели, пили, заигрывали с пленными женщинами. Кому какое дело, что обычно в них видят только рабынь? Сейчас — они просто женщины.

Заигрывали и с теми, кого не пленили в боях и не уводили из родных поселений: помимо Бансабиры, которую в тот день впору было именовать Изящной, Прекрасной и Божественной, в объединенном офицерском составе трех танских армий насчитывались десятки воительниц — от рядовых до командующих полками.

В состязаниях многие бойцы-северяне, в жизни порой ленивые и неуклюжие, преображались до неузнаваемости. Однако всех их в итоге с легкостью бросал на лопатки или огромный Раду, или, с тихим смешком, Маатхас, уступавший первому в размерах, но одолевавший в маневренности. Шутливо, но от этого не менее колко, подтрунивали над проигравшими юнцы, девушки и старики из обозов.

И когда, восседая на коне, остался один Сагромах, призывающий еще хоть кого-нибудь сразиться с ним, на поле выехала Бансабира. Вороной конь под ней блестел, как отполированный агат. Привычно черная форма из мягкой ткани была утяжелена золочеными наплечниками, нарукавниками, поножами. На тонкой талии красовался широкий кожаный пояс, на волосах — шлем. Все убранство требовало полюбоваться всадницей родом из высокого дома.

Маатхас растерялся. Он, конечно, признавал мастерство Бану, но не желал посрамить ее перед отцом и будущими подданными. Ситуация превращалась в сложную задачу — сразиться с тану не хотел, да только как отказаться от боя, не обидев танши, Яввуза и всех пурпурных? Сагромах обратился глазами к Сабиру — тан лишь в недоумении развел руками. Пока Маатхас размышлял, как быть, Бану, ткнув коня пяткой, занесла меч.

Одно дело — признавать ее воином, мгновенно сообразил Сагромах, отбив первый натиск, совсем другое — столкнуться с ней в бою. Не время думать о том, что Бану девушка, и к тому же совсем юная. Иначе, того гляди, головы недосчитаешься.

Бой получился рваным, тяжелым, стремительным. Маатхас оказался противником куда

более сложным, чем Бану могла представить.

...Уходя в развороте от очередного несдерживаемого удара, натянула поводья, заводя коня в сторону, удилами разрывая губы.

От всегда выручавших ножей верхом проку не было. Да и на земле, позже признавалась Бану, ее ловкость и гибкость, которые она с легкостью противопоставила Руссе и могла бы даже, при удаче, противопоставить невиданной тяжести Раду, разбивалась об опыт Маатхаса. Держась на одной воле, Бану поняла, что единственный ее шанс — не дать победить себя.

Наблюдавшие затаив дыхание замерли. Воздух задрожал от напряжения.

Отбивая и парируя град ударов, противники сошлись лоб в лоб в последней волне атаки. Бансабира осадила коня, тот вспружинил, посланный вперед могучей силой задних ног. Казалось, Бансабира взвилась в прыжке вместе с ним. Мельком увидела открытую спину бойца, рубанула наотмашь... Опережая мысль, дернулась рука Сагромаха и... оглушительно — как, кажется, никогда прежде за ее короткую жизнь — звякнул клинок о клинок.

Рука больше не слушалась, мышцы затекли, онемевшие пальцы отказывались подчиняться. Безвольно опустилась женская длань, победоносно вознеслась мужская — в решающем рубящем жесте. Напрочь забыл Сагромах, с кем и ради чего бился. И вдруг...

Бансабира демонстративно хмыкнула и, принимая посланное Кровавой Госпожой, сняла шлем, бросив на землю. Маатхас неотрывно смотрел в лицо, в глаза девушки. «Родиться в крови и умереть в крови — лучшая участь любого, кто носит метку Матери Сумерек», — будто говорили они. Тану казалось, что она вот-вот, как всегда, улыбнется и пожмет плечами — мол, так даже лучше.

Она поправила волосы, оголяя шею под удар. Но Маатхас не двигался. Замер с занесенным клинком, ошарашенный увиденным. Когда наконец вновь обрел способность здраво соображать, отбросил меч и гортанно вскрикнул. Аргат, командир личной гвардии Маатхаса, бросил свое копье. Сагромах поймал на лету, не глядя. Видит Праматерь, нет смысла торжествовать победу. Нет никакой победы, кроме той, которую Бану уже одержала над ним.

Маатхас, неотрывно глядя Бану в глаза, подъехал вплотную, воткнул копье в землю и склонил коня перед таншей, признавая поражение. Толпа изумленно вздохнула: несомненно — благороднейший жест.

Бансабира, легонько улыбнувшись, повела плечом — «ну кто бы сомневался», прочел Маатхас — и бросила к ногам скакуна противника девичий пояс.

В небо взвился радостный рев.

Тан Сабир обалдел, ошалел, ужаснулся и... выругался.

«Неужели в милости своей боги послали ему возможность стать счастливым хотя бы в этом?» — подумал Маатхас. Шатаясь, как пьяный, он зашел в шатер (каких было множество вокруг ристалища для обслуги празднующих) и склонился над тазом с водой, смывая пот поединков. Сколько времени он заводил об этом разговор с Сабиром, пытаясь попросить ее руки, но Яввуз всегда резко уходил от темы. Теперь у Старого Волка не будет шанса смолчать. Маатхас смирился бы, если бы причиной отказа Сабира был отказ Бану: танша не производила впечатления человека, который позволит решить за себя хоть что-то. Но, как выяснилось, удача на его стороне! Он нравился Бану!

Ну а даже если нет, даже если она пошла на это из политических соображений, он,

Маатхас, будет обращаться с Бану так хорошо, как ни один мужчина прежде не обращался со своей женой! И у нее просто не останется выбора, кроме как полюбить его. Она всегда честна и искренна в том, что добром отвечает на добро.

Надо поскорее переодеться и идти к ней. Но перво-наперво поговорить с Сабиром. А то нехорошо получится. Все-таки он глава Пурпурного дома.

Лагерь веселился так, что казалось, сунься сейчас сюда любой другой тан со своими ордами — ословелые, безудержные, неистовые в удали северяне перемнут их в труху, даже не заметив, как так вышло. Однако среди празднества Маатхас Сабира не нашел — тан, как ему сообщили, ушел к себе в шатер.

Окрыленный, Маатхас долетел до пустыря, где были установлены шатры командования. Он регулярно срывался с быстрого шага на бег, так что казалось, еще немного — и Сагромах просто покатится по земле через голову, толкаемый вперед ударами бешено колотящегося сердца.

Сюда доносился гвалт толпы, но чем ближе подходил Маатхас, тем отчетливее слышал два других голоса, исходящих из шатра.

— Я спрашиваю: что это за ребяческая выходка?! Прилюдно объявить Сагромаха избранником! — орал Яввуз.

Маатхас остановился неподалеку.

— Мне казалось, мы обо всем договорились, разве нет?! — в тон ему ответила Бансабира.

— Мы договорились, что ты выходишь замуж! О Маатхасе речи не шло!

— Так ты недоволен тем, что я не сказала тебе о своих намерениях перед поединком?!

— Это не может быть Маатхас! Вот чем я недоволен! Не Ма-ат-хас!!!

— И почему нет, отец?! Чем он плох? Союзник, имеющий под началом пятнадцать тысяч копий!

— У Каамала столько же!

— У Каамала меньше! — безоговорочно отрезала Бану и была права, Сабир знал.

— Не в этом дело! — рявкнул тан.

— Тогда в чем?!

— В том, что Маатхас и так обязан нам многим, он пойдет за нами при необходимости, хотя бы чтобы вернуть долг, а Каамалов нам нечем связать по рукам и ногам! Мы не можем допустить, чтобы они выбились из альянса!

— Да гнать в шею твоих Каамалов, отец! — прошипела Бану.

— Выйдешь, и все!

— Нет!

— Если в Ясе и есть золотой тан, то это не Раггар, сократи его дни Праматерь, а Яфур Каамал! И нам, черт подери, нужно его золото!

— МНЕ ИДТИ ЗА СТАРИКА СТАРШЕ ТЕБЯ?! — вконец сорвалась Бансабира.

Возникла затяжная пауза. Кажется, даже с расстояния в десять шагов Сагромах слышал, как тяжело дышат эти двое.

— За Этера, — тише произнес Сабир.

— За этого задиристого выродка?! — завелась танша с новой силой.

— Осторожней выбирай выражения, когда кричишь, Бану! — прорычал тан.

— Я отказываюсь.

— Я не давал тебе выбора.

Бансабира молчала очень долго. Маатхас, слушавший происходящее, не мог понять, что происходит. Возможно, Сабир намерен ударить дочь? Да ну, ему ли, Сагромаху, не знать, как Сабир боготворит девчонку... Но то, что он слышал...

— Хорошо, — наконец раздался голос тану. — Но только второй.

— Что? — спросил Сабир. Маатхас тихонько сделал несколько шагов, приблизившись к шатру, чтобы ясно слышать и теперь.

— Убей меня, а за Этера я не пойду. А вот второй из братьев — как его там? Не помню имени...

— Нер?! — изумился отец, округлив глаза.

— Ну, видимо, Нер, — повторила Бану, — вполне бы подошел.

— Невозможно. Дочерей не выдают за вторых сыновей.

— Не в нашем случае, отец. Если ты не намерен оставить Пурпурный танаар моему младшему брату, выставив все так, будто я непреднамеренно оказалась замужем черт-те где, выйти за Этера я не могу не только из-за неприязни.

Сабир стал слушать внимательнее.

— Если я выйду за наследника другого дома, как жена, я буду вынуждена уехать за ним. Но если выйду за ахтаната, которому никогда не стать таном, он поедет за мной, в Пурпурный танаар. Я ведь тану.

Маатхас услышал привычные и по-своему любимые нотки сарказма в женском голосе.

Дальше двое в шатре заговорили еще тише, и разобрать что-то не было возможности. Подходить ближе Сагромах не стал, но и не ушел, ожидая, что может услышать еще что-нибудь. Между тем Сабир, обратившись к дочери, нахмурился.

— Мне нужен этот брак не для того, чтобы просто смотреть, как ты, страдая, выходишь замуж.

— Я понимаю, отец. Но то, что таном со временем не сможет стать мой муж, не значит, что им не сможет стать мой сын, — вздернула бровь.

Незамысловатая логика, признал Свирепый.

Очередная затяжная пауза далась тану серьезными раздумьями.

— Хорошо, — громко выдохнул, сел и уронил лоб на сцепленный замок рук, упертых локтями в стол. — Пусть будет так. Свадьбу надо сыграть быстро.

— Понимаю, — сухо отозвалась молодая женщина.

— Надо отправить гонца Яфуру. Но перво-наперво — поговорить с Маатхасом, извиниться и все уладить. Как бы оно ни было, я все-таки признаю его другом.

— Это твои заботы, отец. Мне и моих хватит.

— Которых именно?

Бану села напротив за тот же походный столик.

— Мучиться терзаниями совести, что добровольно согласилась засыпать и просыпаться с человеком, к которому в лучшем случае не буду ничего испытывать.

— Ну зачем так, Бану, — попытался утешить Сабир. — Пути Богини неисповедимы, вдруг ты полюбишь Нера?

Бансабира не разделила примирительного настроения отца. Проклятый лицедей!

— Когда ты женился на моей матери, когда спал с ней, ты представлял мать Руссы? — спросила в лоб.

— Не твое дело, — отозвался Свирепый, оценив выпад.

— Тогда ты поймешь меня как никто.

Сабир в сотый раз за разговор натужно выдохнул. Злиться на дочь трудно. Особенно в том, через что сам прошел.

— Постарайся улыбаться на свадьбе. Улыбка украшает даже красивую женщину.

— Любую женщину, — подчеркнула Бану, — украшают титул и богатство. Не знаю насчет последнего, а вот титул у меня есть, и при других обстоятельствах на него слетелась бы половина Яса.

— Весь.

В иной ситуации Сабир разворчался бы, а то и просто влепил дочери пощечину за такое признание: все же девица из танского дома при вступлении в брак обязана быть девицей, а не представлять в постели мужа кого-то из прошлых мужчин. Но Бансабира ведь не выросла в Ясе, а это все объясняет, решил тан.

Протянув по столу руку, он сжал пальцы дочери.

— Какой он?

Бану отвела глаза в сторону:

— Похож на Маатхаса, только моложе лет на семь.

Отчего-то Сабир облегченно выдохнул:

— Я уже переживал, что это Юдейр, — с извиняющимся видом улыбнулся тан. Бансабира донельзя дерзко хмыкнула. — Ну, знаешь, до меня доходили кое-какие слухи. Люди всякое болтают.

Бансабира высвободила руку и, смерив отца взглядом, пренебрежительно проговорила:

— Точно, а еще говорят, будто я избранница самой Матери Сумерек, будто бегаю как молния, невидимая, как тень, будто мои ножи вырастают из тела и меня нельзя убить. Да только ты, тан Сабир, первым в этом лагере увидел мою спину.

Вышла. Вновь не дав отцу закончить. У Сабира в глазах темнело от самоуправства дочери. Она, конечно, в итоге делает, что ему надо, но всегда все ухитряется подать так, будто сама соблаговолила принять решение и снизить до просьб молящего — его, Сабира. Тьфу, капризная девчонка!

Но разве не ради нее он с новой силой принялся воплощать задуманное? И разве не благодаря ей у него вообще появился для этого шанс?

Высокое солнце слепило. Бансабира вышла на улицу и встретила глаза в глаза со стоявшим поодаль Маатхасом. И чуть не задохнулась от одного взгляда на него. Чувство было таким, будто грудь насквозь пробило копьем. На глазах выступили слезы. Бансабира отвела взгляд, сдерживая капли, собралась с духом и пошла навстречу. Выбора не было — ее шатер располагался далеко за спиной Маатхаса.

Мужчина держался, не скрываясь. Проходя мимо него, танша немного задержалась.

— Мне жаль, — выговорила тихо. А чего он еще от нее ждет?! Люди — хозяева только невысказанных слов и рабы тех, что обронили вслух. Маатхас слышал все.

Мужчина с упавшим сердцем заметил, что глаза Бану блестели.

— Могу я вас проводить, тану? — вежливо и даже немного ободряюще спросил Сагромах. Бансабира кивнула, не глядя на мужчину, потому что смотреть на него стало невыносимо больно. Последние пять недель она как дурочка втайне радовалась, что наконец-то ее цели, ее долг и ее желания, кажется, совпали! Рядом с ним, с Сагромахом — за обедами, за ужинами, на тренировках, на биваках, — Бану впервые за минувший год

перестала вспоминать Астароше. А последнюю пару недель — перестала искать его в Маатхасе...

Когда двое в молчании зашли в шатер танши, Бансабира села на застланную землю, обхватив колени и подперев ладонью лоб.

— Мне нечего вам сказать, тан, — проговорила женщина. — Полагаю, кричали мы много.

— Увы, к середине разговора вы заметно снизили... тон речи, — легко усмехнулся тан, сверкнув темными, словно маслины, глазами.

Кровавая Мать, как раздражает эта его веселость! В такой-то ситуации! Идиот! Если хочет помочь, мог бы просто обнять.

Тряхнула головой. Дура. Того гляди, еще разревется.

Маатхас, точно услышав мысли девушки, сел за ее спиной, опираясь на широко расставленные колени.

— Идите, тан. Вам нечего здесь делать, — попросила Бансабира. — То немного, что могло нас связывать, отныне закончилось.

— Бансабира, — тепло позвал Сагромах, заметив, как танша вздрогнула. Еще бы, он впервые позволил себе назвать ее по имени.

Мужчина потянул руку, намереваясь положить девушке на плечо, ненадолго замер в дюйме, заколебался на миг, которого хватило, чтобы все перечеркнуть.

— Идите! — бросила Бану, развернувшись вполоборота.

Маатхас мгновенно — инстинктивно — сжал пальцы в кулак, отдернув руку.

— Как пожелаете, тану.

Полог дернулся, и Бансабира, ощущая, как сдерживаемое напряжение находит выход, распласталась на полу, задрожав всем телом.

Праматерь, ну почему, почему она не уговорила Шавну Трехрукую поехать в Яс вместе с ней?! На правах молочной сестры...

Перекатилась на живот, приподнялась. На четвереньках поползла к столику, под которым лежало два заполненных водой меха. Облокотившись о ножку стола, откупорила один и приложила к губам. Пила и пила, пила и пила, совсем не испытывая жажды. Просто для того, чтобы отвлечься хоть на какое-то действие, которое нужно отслеживать само по себе.

«Вот так, Бансабира, — шептал внутренний голос. — Вот так. Глотай. С каждым глотком заглатывай все обиды, всю злобу, ненависть, боль. Терпи и глотай свою жизнь, как лекарство».

Сагромах не собирался сдаваться просто так. Сердце колотилось сильнее прежнего, решимости прибавилось. Полный готовности стоять на своем до конца, получить желаемое любой ценой, он ворвался в шатер Сабира сразу, как покинул Бану.

Ни один из двоих мужчин до конца дня больше не появился на праздновании. Сабир — оттого, что всем сердцем хотел оставить дочь рядом с собой и вообще никому не отдавать, а Маатхас — оттого, что в сделанном выборе Сабир остался непреклонен.

Этер, наследник Серебряного дома, против не был, и с решением решили не затягивать. Гонец быстро доставил послание будущему свекру. Надо же, наконец этот Старый Волк согласился поженить детей, ослабил Яфур Каамал. Еще его дед жаловался на то, что заносчивые Яввузы никогда не устраивают браков с Каамалами! Видите ли, эти выскочки

женятся да замуж выходят только за силу, а из северных танов войско Серебряного дома наименьшее, как и надел. Что с того! За последние полвека Каамалы сколотили такое состояние, что теперь при желании могли бы перекупить все несчетное воинство самого Сабира Свирепого!

Видимо, старик понял, что чаши весов переменялись, да и согласился на брак! Ай да я молодец, думал Яфур, чьи седины были так же посеребрены, как знамена. Получил в невестки наследницу Пурпурного дома! Наконец сбудется давнее чаяние! Его внук сядет в кресло танаара Яввузов, богатство и сила сложатся воедино! А там и Маатхаса под себя подмять будет недолго.

А когда север объединится под одной рукой — его рукой, будем честны, ну а потом уже Этера, — можно подумать и о центре страны. Раггары на их стороне, оранжевые разгромлены, они присягнут кому угодно, лишь бы их не трогали, а Сиреневый дом Ниитас в родстве с Бансабирой. И пусть старому Яввузу не удалось добиться возрождения союза, сам виноват, дряхлый идиот! Ему, Яфуру, это всяко удастся — не зря ведь его за спиной уже четверть века называют «Каамал Лъстивый Язык»!

А когда и это удастся... Раман и раману Яса заперлись в своей Гавани Теней, им нет дела до танов, а танам — до них. Когда еще представится такая замечательная возможность отбить север или даже, если боги будут милостивы, посадить собственного внука на трон всей великой державы мореходов?

— Ай да я! Ай да сынок мой, — приговаривал мужчина, приглаживая длинные усы. — Испортив планы Яввуза, подружится с Раггарами, Этер заполучил в жены весь север! Ну и в придачу к нему девчонку, от которой всего за год четверем танским домам добавилось столько проблем! Ай да сынок! Надо, чтобы он заставил ее рожать каждый год или два, и все, куда ей потом таскаться по стране с боевыми кличами, а? — весело подмигнув, обратился Яфур к верному гонцу из своих.

— Мм, не хочу разочаровывать, мой тан, — обронил посланник, — но девица Яввуз согласна на брак только в том случае, если ее мужем станет ваш второй сын, Нер.

— Что? — Кошачье удовольствие не сразу развеялось с лица тана.

Гонец повторил.

— А-а, ну-ну, понял. Ты иди, голубчик, иди. Я пошлю за тобой, когда приму решение.

Когда дверь за гонцом закрылась, Яфур насупился, глухо засопел, вода по столешнице кулаком, будто растирая кровь заклятого врага.

Вот же подлая девка... Бансабира Изящная... Бансабира Изящная... Тьфу! Бану Хитроумная! — и будет с нее!

И ведь этот трухлявый белобрысый тюфяк Сабир с готовностью борзой побежит же выполнять любые просьбы дочери! Выдвигать требования с их стороны неразумно...

Как ни крути, на брак согласиться стоило — другого шанса породниться с пурпурным волком может не представиться, а уж он, Яфур Каамал, сумеет придумать, как развернуть сложившуюся ситуацию себе на пользу.

Сабир зашел в шатер. Бану была собрана и готова. Только в глазах отражалось такое немыслимое отчаяние, что отцу как никогда стало жаль дочь. Он протянул к ней руки и с заботой сказал:

— Я не должен был настаивать на этом решении. Нам совсем не удалось побыть вместе.

— Теперь поздно что-то менять, — отозвалась Бану. — Ряды не забудут и не умолкнут,

если танская семья будет брать назад каждое сказанное во всеуслышание слово. Хватило того, что мой прилюдный выбор пришлось выдать за глупость.

— Не говори так, Бану, — через силу улыбнулся тан.

— Но, по крайней мере, мне это смогли единожды спустить с рук, найдя тысячу оправданий: я слишком юна, я всю жизнь среди мечей, откуда мне знать о делах такого рода? Да и выросла я там, где, наверное, брошенный к ногам пояс означает признание победы или равенство, но точно не брачное предложение. И потом, я просто Мать лагерей. Ты таких привилегий лишен, отец.

Бану говорила не скрываясь, печально. Сидя на походном стуле, ссутулив спину, упавшим голосом. Ни тени радости в лице.

Сабир не выдержал — подошел к дочери вплотную, прижал к груди ее голову, поцеловал в волосы и вскинул лицо, широко раскрыв покрасневшие глаза.

— Не такой должна была быть твоя свадьба.

И не сейчас, согласилась Бану.

— Надо идти, — тихо ответила девушка, коснувшись руки отца.

Тот только крепче сжал объятия. Бану на миг показалось, что это вообще захват.

Склонившись к голове Бану, мужчина горячо признался, что ничего дороже ее в его жизни нет.

Жрецы освятили новоявленное супружество двух чужих, почти незнакомых людей прямо здесь, в военном лагере.

Если бы Бансабиру попросили описать новоявленного мужа, пожалуй, «никакой» было бы лучшей характеристикой. Роста среднего, ни блондин, ни брюнет, глаза почти бесцветные, широкий тупой подбородок безволен, когда говорит — мямлит. Ничего общего с дерзким и — нельзя отрицать — решительным Этером. Природа, очевидно, поделила от щедрот своих между братьями неравно.

В постели Нер представлял собой нечто столь же унылое: вскарабкался на Бану, попыхтел, быстро закончил, перевалился на спину и засопел.

Убедившись, что муж спит, Бансабира поднялась и вышла на воздух. Брак был консумирован — для подтверждения близкие родичи и приближенные могли находиться за дверью или — в данном случае — за пологом. Сейчас здесь сидели Сабир, Русса, Этер и, как ни странно, Гобрий с Гистаспом.

— Все в порядке? — обеспокоенно спросил тан.

— Разумеется, — непроницаемо ответила дочь. — Однако спать я предпочитаю в своем шатре. Не проводишь меня, брат? — перевела глаза.

— Да, конечно. — Русса удивился, но поднялся на ноги мгновенно, не задавая вопросов. Этеру ситуация явно не нравилась. Бану это проигнорировала.

— Ты хотела о чем-то поговорить? — заботливо спросил мужчина, ведя сестру к шатру.

— Нет.

Русса не настаивал.

— Спи спокойно, сестра, — пожелал перед прощанием, поцеловал Бану в лоб и скрылся.

Бансабира переделалась в тунику и штаны, в которых спала всегда. Перетерпеть то, что вытворяли с ней не самые умелые руки, рот и член Нера, казалось не такой сложной задачей в постели, но сейчас, наедине с собой, Бану поняла, что к горлу подступает ком, а в глазах

темнеет. Праматерь не лишена чувства юмора! И нет его страшнее, чем у Той-Что-Улыбается-Когда-Гибнут-Люди!

Бансабира вцепилась в ткань под горлом. Не помогло. Закусила большой палец, чтобы не выть, не ругаться, не проклинять весь свет, — все внутри переворачивало калеными щипцами. Нет, не потому, что еще не одну ночь ей придется провести с этим бесхребетным сопляком, который наивно верит, что сможет «понравиться ей так же, как она ему, и боги сделают их брак счастливым», но потому что сейчас — в эту самую минуту! — она невыносимо, до дрожи в запястьях, хотела Гора. Не Астароше, не Маатхаса даже, а Гора — ту грубую скотину, жестокое чудовище, которое навсегда осталось в ее памяти образцом неодолимой мужской силы.

Маатхас в ту пору не мог уснуть каждую вторую ночь. Особенно после случившейся свадьбы ходил сам не свой. Повсюду ловил голос Бану. Повсюду искал таншу глазами и находил. Но — ни разу не подошел без воинской надобности и не сказал ничего, кроме вежливого «Доброго дня». Только Русса изредка замечал в обычно смешливых глазах молодого тана отблески волчьей тоски, зависти и злости, а в сжатых до хруста кулаках — неудержимую дрожь.

Вскоре пришло письмо с поздравлениями от свекра. Ужас какой, чертыхнулась про себя Бану, разбирая велеречивые изыски Яфура, который, кажется, перед тем как диктовать этот бред писцу (ну не сам же он писал, право), объелся сахара на три года вперед.

Женщина отпустила прислужницу и теперь стояла перед зеркалом. Темно-красное с золотым узором платье ей шло. Высокая прическа добавляла роста, строгая осанка выдавала статью. В волосах боролись две масти — черный шелк и белесые седины.

Да, она немолода, признала Нелла Сирин. С тех пор как она получила свои символы власти, воды утекло много, а сделано — всего ничего.

Она отошла от зеркала и, глубоко вдохнув, сама пошла за Айхас — старшей жрицей, которая за время отсутствия Шиады стала для храмовницы правой рукой. Такое случалось нечасто, чтобы Первая среди жриц искала кого-то из подчиненных, но сентябрьское утро было слишком заманчивым, чтобы отказаться от прогулки.

Айхас возвращалась в Обитель по тропе из березовой рощи. Было не по сезону прохладно, но она не показывала виду, что мерзнет. Завидев госпожу, жрица склонилась в приветствии, ожидая, когда храмовница заговорит первой.

— Светел твой рассвет, Айхас. Да пребудет с тобой Богиня в этот славный день.

— Праматерь в каждой из нас, в сердце и разуме, на земле и на небе, госпожа.

— Некоторые земледелы упускают из внимания осеннее равноденствие, но оно важно, и без него нет Круга. До начала чествования передай мое приглашение Верховному друиду: нам есть о чем поговорить.

Жрица молча удалилась, предварительно сделав жест, что исполнит наказ матери в вере.

«Заходить в обитель не хочется, — подумала храмовница. — Солнце и Луна сегодня стоят вровень, Мужчина и Женщина идут рука об руку. И как истинно поклоняющиеся Богу и Богине, вне стен, выстроенных руками человека, мы славим Отца и Мать. Такова Их воля, наш долг и подлинное желание всякого слугителя».

Сердце женщины наполнилось усталостью и спокойствием. Да, она всю жизнь занималась тем, что умела и любила больше всего. В этом и есть счастье — быть на своем месте. И чем старше, тем меньше тебя волнует, выбрал ли ты это сам или выбрали за тебя.

В середине десятого утреннего часа начался обряд чествования великого Равенства. Жрицы, и друиды, главы храмов и еще обучавшиеся послушники, образовав Круг, приближались к таинству. И сотни молитв, сплетенных в плотный неведомый узор Силы, заполняли остров.

Завершив ритуал, Нелла вернулась к себе. Через несколько минут Айхас доложила о прибытии Верховного друида, отворила перед Таланаром дверь и склонилась в почтительном поклоне.

Едва Айхас скрылась из виду, храмовница широким жестом пригласила Таланара сесть в одно из кресел, устроившись напротив.

— Умелая она жрица, эта Айхас, — проговорил Таланар.

— Так и есть.

— Доверяешь ей?

— Я доверяю каждой жрице.

За седой бородой мелькнула старческая ирония.

«Ровно настолько, насколько тебе это необходимо. Нелла, мы слишком давно знакомы, чтобы лукавить», — подумал друид.

Храмовница с полуулыбкой чуть наклонила голову в знак согласия.

— Айхас для тебя особенная, — заключил Таланар вслух.

— Почему нет? Она проворна, энергична и проницательна.

— Но этого мало, чтобы посвятить ее в тайны тайн. — Друид наконец сел.

— К сожалению.

Действительно жаль, признал друид. Айхас достаточно мудра, из высокородной семьи — сводная сестра одному из сыновей храмовницы, — но, увы, не происходит от Змеемудрых. К тому же в Этане может быть лишь одна из Сирин, не считая храмовницы, которой доступны таинства, и таковая уже есть.

— Тебя долго не было, — задумчиво заметила Нелла.

— Переговоры затянулись.

— Возникли трудности?

Таланар рассмеялся:

— Нет, просто их обычай не велит говорить о делах, пока не будут соблюдены все традиции гостеприимства. И коль уж я Верховный друид, меня величали по три дня в каждом племени.

Храмовница тоже посмеялась.

— К делу, — продолжил Таланар. — Союз свободных племен и Архона уже совсем не похож на бредовую затею. Вожди пяти племен в разной степени рассматривают присягу королю Удгару.

— Думаю, ближе всего саддары? — поинтересовалась женщина. Еще бы, другому племенному союзу — северным скахирам — иметь тесные контакты с югом мешает Иландар.

Таланар не ответил. И впрямь, если подумать, Иландар с незапамятных времен мешает и тем, и другим: саддарам нужен весь юг, который они считают издревле своим, у скахиров те же претензии на север. Не дай Праматерь, оба племенных союза объединятся или, того хуже, присягнут Архону, Иландар сможет спасти лишь мудрость короля. Если Нироху Страбону хватит ума, он обернет союз варваров и Тандарионов себе на пользу: государства-братья объявят племенам жесткое табу на набеги. Если ума у Страбона окажется поменьше, его зажмут, и Нироху останется подчиниться, объявив себя вассалом Архона. В этом случае только принцесса Виллина будет гарантией неприкосновенности Иландара от сил ее родичей. И срок этой гарантии — покуда живы Агравейн, его будущий сын и малыш Норан. Если же Нироху ума неостанет совсем, Удгар попросту объявит Иландар колонией, задавит страну податями, свергнет Страбонов и назначит Виллину регентом при малютке Норане.

Впрочем, у любой державы всегда есть тысячи поводов и шансов развалиться и без помощи внешнего врага.

— Вожди еще слабы после последних войн, но свободные племена быстро встают на ноги, — продолжал друид. — Мы должны подтолкнуть их к союзу. Я думаю послать к Тандарионам Сайдра.

Нелла нахмурилась:

— Почему не ты сам? Сайдр молод, а это важное дело.

— Шиада была почти вдвое моложе, когда ты поручала ей серьезные встречи: со жрецами Адани, с владыками племен. Сайдр достаточно опытен, и потом, ему стоит вникнуть в отношения между домами Этана как можно глубже — мое время заканчивается. — Старик улыбнулся в длинную бороду.

Нелла обреченно вздохнула.

— К тому же, — добавил Таланар, — Сайдр прошел То'он Надара. А кто еще из всех друидов, кроме меня и Артмаэля, бывал в святой святых Храма Нанданы?

Безвестные и несуществующие практически для всех Дороги Нанданы, позволявшие пройти испытание храма Матери Смерти в обряде То'он Надара, открываются единицам. О том, что Сайдр прошел обряд, знал весь Ангорат, и одно это делало его достойнейшим преемником Таланара во всех делах.

— Мы всегда, все мы, служители Ее культа, умираем в Ее окружении: кормим рыб в Летнем море, возносимся пеплом, очищая Ангорат, идем на корм хищным птицам на вершине холма. Но никакое из наших погребений не приносит Праматери жертву столь великую, как То'он Надара, — выдохнула Нелла. — Ты прав, Таланар. Не стоит недооценивать твоего преемника. Я, кажется, становлюсь слишком беспокойной. — Храмовница попыталась посмеяться над собой.

— Мы всегда были посвящены в планы друг друга, Нелла. — Таланар встал, опираясь на посох из орешника. — Ибо все, что делали, делали вместе. Сейчас же ты начинаешь какую-то неясную мне игру. И я хочу знать, есть ли твоим действиям причины более значительные, чем желание изменить судьбу Второй среди жриц?

— Эта игра начата давным-давно, и совсем не нами. Ты ведь помнишь, Таланар? Наш удел — вовремя подхватить кости, выпавшие из рук предков. А что до Шиады — ее судьба predetermined Великой Матерью задолго до рождения, как и всякого из нас.

— Но с Агравейном ее свела ты.

— Ты был их сыном в прошлый раз. Сам знаешь, они не могли не встретиться.

— Они должны были встретиться как друид и жрица, и возможно — всего один раз и на одну ночь. Три с половиной года назад ты могла послать на свадьбу Тройда и Виллины только Ринну, а в спутницы ей дать любую из жриц, более старших и опытных, чем Шиада в ту пору. Однако вышло так, как вышло. Ты вмешалась в нечто, не зависящее от нас. Стоило ли оно того?

— Я готова принять любые последствия, — не колеблясь, ответила жрица.

— А Шиада? — Друид вздернул лохматую седую бровь. — Она готова принять последствия твоих решений?

— Я следую тому, что вижу, Таланар. Тому, что ты тоже видишь. Готова Шиада или нет — никого не волнует. Согласись, на Ангорате есть еще женщины и девочки из священной династии Змеемудрых. После отъезда Шиады я могла приблизить и взять на воспитание любую из них, передав звание Второй среди жриц. Видит Праматерь, я люблю Шиаду, но она мне не дочь, так что не составило бы труда переложить обязанности одной Сириной на другую. Не в первый раз. Однако я не делаю этого. Почему? — Храмовница заглянула в лицо друида. — Потому что никто не может взять на себя чужую судьбу. Сейчас я понимаю, что и Ринна умерла только для того, чтобы на моем месте оказалась женщина, которой начертано соединять распадающееся. И увы — Шиаде придется принять неизбежное, независимо от желаний. То же касается и Архона: независимо от того, нравится это кому-то или нет, но чем крепче будет альянс между Удгаром и племенами к определенному сроку — тем надежнее. Пусть Сайдр не затягивает с отъездом.

— Согласен, — отозвался Таланар. — Думаю, перед его отправкой нам всем стоит провести час в священном Круге.

— Пошлешь за мной, когда я понадобится, — одобрила храмовница.

— Благослови тебя Праматерь, — попрощался друид, уходя. И вдруг замер на пороге. — Нелла, — обернулся через плечо. — Ты уверена, что хочешь вбить этот клин? Нирох все-таки твой брат.

— Я уверена, что поступаю правильно.

— В таком случае светел твой день, храмовница. — Таланар чуть склонил голову и вышел.

— Богиня в каждом из нас, в сердце и разуме, на земле и на небе, — тихонько прошептала женщина в закрытую дверь.

Нелла поднялась, прошла к столу поодаль, достала из шкатулочки кулон из морской раковины. Надо же, подумала храмовница, для Шиады ей бы и в голову не пришло делать нечто подобное. Неужели правда священная кровь Сирина давала силы, недоступные другим людям? Силы не колдовские, а совсем иные? Кто знает... Шиада никогда не давала поводов себя утешать. Даже если им обоим этого хотелось.

Спрятав кулон в ладони, Нелла вернулась в кресло и кликнула Айхас из-за дверей.

Несколько минут спустя в приемную палату храмовницы вошла девушка. Каштановые волосы до лопаток были заплетены в многочисленные косы, но Нелла знала, что стоит их распустить и непокорная копна быстро собьется в крупные пряди, волнами прячущие спину. Серо-зеленые глаза добры. Девушке едва пошел восемнадцатый год, и она не далее как два месяца назад получила свою метку Богини в левом уголке лба.

В очередной раз, окинув жрицу взглядом, Нелла подумала, что не ошиблась с выбором — девчонка обаятельная, но красавицей не назовешь. А главное, до странного походит лицом и фигурой на принцессу Виллину. «Уж не приходится ли она старому Удгару какой-нибудь внебрачной дочерью?» — мысленно усмехнулась Нелла, зная ответ.

— Проходи, Линетта, — подозвала старшая из женщин младшую. Та остановилась недалеко от кресла храмовницы, сцепив от волнения вытянутые руки. — Скажи, кто я?

Жрица с недоумением поглядела на госпожу.

— Ты голос и длань Той-Кому-Мы-Посвящаем-Жизнь и которая Мать всего сущего.

— Именно. Не я вершу твою судьбу, но Она, Та, в верности Которой ты поклялась еще на заре лет. Помни об этом. У меня есть к тебе поручение. И оно уведет тебя из Ангората надолго.

— Я исполню волю Богини, в чем бы та ни состояла, — робко отозвалась девушка.

— Завтра отправишься в Этан, и твоя дальнейшая судьба будет связана с королевской семьей Иландара. Испросишь аудиенции короля, чтобы тебя допустили, я дам письмо с оттиском, тебя примут. Скажешь брату, что я отправила тебя для двух целей.

Линетта отчаянно бледнела — не каждый день ей вот так доводилось говорить с храмовницей в ее-то доме! Да, если подумать, такое вообще происходит впервые. Девушка осторожно подняла глаза от собственных влажных ладоней, но, заметив прямой взгляд храмовницы, тут же опустила обратно.

— Во-первых, для поддержания духа Праматери в столице, для облегчения его ноши в противостоянии священникам и балансировании на грани меж двух миров, — продолжала Верховная жрица. — Во-вторых, скажешь, что с возрастом сила моего Взора ослабевает. Поэтому для того, чтобы иметь возможность и дальше помогать ему, мне уже мало одного кровного родства и требуется служительница Богини в сердце его страны.

— Я все поняла, храмовница. Но... дело в том, что его величество ведь может, несмотря на письмо, отправить меня обратно, вручив какое-нибудь послание с вопросом, почему бы тебе, госпожа, не назначить на мое место Шиаду? Вторая среди жриц приходится ему кровной племянницей, а я? Я безродная сирота. На Ангорате это практически не имеет значения, если ты смог постичь часть истинного знания, но, как я поняла, в Этане знание стоит немного.

— Нирох никогда не посмеет мне отказать, помни об этом, когда будешь там, — осадил ее храмовница. — Что до Шиады, она замужем и пребывает там, где сейчас может приносить пользу Всеединой лучше всего.

Линетта кивнула, а Нелла мысленно хмыкнула — так лихо она даже себе еще не врал.

— В чем будет моя задача?

— В Кольдере ты обязана позаботиться о наследном принце Тройде, его жене и особенно об их сыне. Заботься о них и сделай так, чтобы король был тобой доволен, видел твоё благотворное влияние на семью, чтобы Гвен, в смысле королева, не смогла убедить его в обратном. Ты должна внести свет и тьму Праматери в сердца тех, к кому приставлена; сделай все, чтобы в конечном счете маленький Норан не знал сомнений.

— Да, госпожа.

— И еще — не забудь, что твоя девственность принадлежит Великой Матери, отдать ее тому, кого назначит Праматерь, меньшее, что ты можешь сделать во имя Ее. Я подскажу тебе, когда придет время.

Жрица, перепуганно округлив глаза, кивнула.

— Да, разумеется, владычица! Я и не думала... ни о чем таком.

Храмовница пропустила это мимо ушей:

— В тебе не особо силен Взор жриц, но я смогу держать с тобой связь и направлять твой путь. Поверь, то, что я сказала тебе, только начало.

— Да пребудет со мной воля Праматери, — почти обреченно смирилась девушка. Уезжать из дома совсем не хотелось.

Смерив девицу взглядом, Нелла глубоко вздохнула и заговорила совсем иначе. Так, как когда-то говорила с маленькой девочкой, подобранной ею в деревушке на берегу Тарса, недалеко от дома Хорнтеллов.

— Ты уезжаешь из мира, который стал твоим домом, Линетта. Таков твой долг. Ты будешь скучать по Обителю и, чтобы облегчить тоску, возьми его. — Храмовница протянула жрице кулон, выделанный из сверкающей морской раковины с высеченным на ней изображением четырех мечей: два центральных были скрещены, два крайних смотрели остриями вверх. Таков символ Часовых. — Если будет особенно трудно, если будет казаться, что все бессмысленно и Мать покидает тебя, приложи его к груди, вспомни великое слово Силы, закликающее Часовых, почувствуй Богиню в себе. Это все, что я могу тебе дать.

Приблизившись, жрица дрожащими пальцами взяла украшение.

— Бл-благодарю вас, госпожа. — Линетта поспешила отойти от высокого кресла храмовницы.

— Да, у меня будет еще одна просьба, личного характера. По приезде в Кольдерт передай приветственное слово моим сыновьям, Гленну и Тиранту, и спроси, скоро ли они навестят свою мать. Гленна, думаю, ты помнишь, с Тирантом он тебя познакомит. Правда, Тирант воспитывался в христианской семье и теперь сам христианин, не сказать что слишком набожный, но все же в разговорах с ним лучше не говори о богах.

— Как прикажете, ма... мать, — осмелилась Линетта. Глаза подозрительно заблестели.

— Тогда ступай. Не забудь завтра утром встретить с нами рассвет, к полудню отправишься. Настройся как следует.

— Спасибо, владычица.

Нелла улыбнулась, дожидаясь, когда девчонка уйдет. Она и впрямь по-своему любила Линетту — робкую, тихую, такую преданную и честную. Но все сущее должно быть обращено на пользу Праматери, его породившей, независимо от чувств. Только если принять это, только если признать, что в конечном счете существует лишь одна любовь — любовь к Всеединой, — только в этом случае и можно стать храмовницей.

Грей по-прежнему не скрывал презрения и недовольства, едва Шиада появлялась в его комнате. Сыпать оскорблениями перестал, но все так же возмущался и ворчал при каждом удобном случае. Ему не нравилось все: настои, мази, то, как невестка дышит, как сидит, ее молодое лицо. Однако стоило жрице пропасть на день-другой, Грей орал, что велит высечь девчонку, забывшую о своих обязанностях. Да орал так, что замок ходуном ходил. Такого не скажешь вслух, но Грей прекрасно чувствовал, как без лекарств жрицы боль его возрастала. И уж тем более никому бы Грей не сказал, как ненавидел себя и Шиаду за эту треклятую зависимость.

— Зачем ты ходишь за мной? Мужу слово дала? — спросил однажды свекор.

— Обучаюсь терпению.

— Или думаешь, что тебе после смерти зачтется за доброе дело? Надеешься, что это спасет твою душу от адского огня?!

— Я не верю в ад, старик. А богов никакой ложной добродетелью не обманешь — они от начала времен знают каждый наш поступок и кто чего заслуживает.

— И за какие, интересно, поступки я так мучаюсь?! — крикнул Грей и тут же отвернул от женщины искаженное злобой лицо.

— Долго умирают или в знак жертвы, или за грехи. Думаю, ты знаешь, что из этого относится к тебе.

Грей трижды переменился в лице, подбирая в голове ответ, но жрица перебила:

— Не ври хотя бы себе.

Уходя, Шиада плотно закрыла за собой дверь, задавшись вопросом: и впрямь, что за грех совершил Грей, если его искупление столь долго? Ответ не заставил себя ждать.

Спустя еще две луны Грей, недобро покосившись на невестку, наконец сказал:

— Шиада, твоя душа уже проклята и хуже тебе не будет, так будь добра, помоги мне умереть.

— Воздержусь, — вежливо отказала жрица.

— Сама же понимаешь, — рявкнул Грей, — тебе больше не придется ходить за стариком, которого ненавидишь так же сильно, как он тебя.

Жрица, безмятежно возясь со склянками и чашками, кивнула:

— Я понимаю — безусловно, мои умственные способности не столь ограничены. Смею предположить, они даже превосходят твои. Но это не решает проблемы: если я выполню твою просьбу, Берад через четверть часа раскудаhtается, как петух при виде соперника в курятнике. Или, того хуже, назначит мне стражу, заключение, учудит еще какую-

нибудь дурь. Так что, дорогой свекор, — женщина заговорила недавними интонациями Грея, — будь добр, сойди в могилу сам.

— Чертова рыжая дрянь! Я ведь предлагаю облегчить себе жизнь!

— Ты предлагаешь мне в клочья разорвать перемирие, которого мы с Берадом достигли большими трудами.

— Дура! — с вызовом бросил старый герцог.

— Мешок с костями, — резюмировала женщина.

— Я приказываю тебе!

— Боюсь, приказывать здесь могу только я.

Грей завозмущался, как никогда за всю жизнь.

— Поговори с сыном. Если Берад одобрит эту затею, я принесу тебе зелье смерти.

Женщина вернулась в спальню и села у окна. Закуталась в шаль — из щелей в стенах тянет. Новая затея свекра — рожденное в муках решение — не шла у нее из головы. Жрица прекрасно знала, что ни о чем подобном Грей с сыном говорить не будет: он оставил роль вестника ей, невестке. Нравится или нет, лучше сказать мужу сейчас, пока конфликт не разросся. Но как о таком скажешь? За утренним чаем, между поглощением лепешки и творога, невзначай бросить: «Ты знаешь, Берад, твой отец попросил его отравить. Ты ведь не против?»

Шиада иронично хмыкнула и отмахнулась. Берад это даже за плохую шутку не примет.

Но в любом случае лучше сказать, нежели дожидаться момента, когда она уступит напору старика, а Берад не сможет примириться с фактом. Дурные вести вообще всегда нужно доносить через слово — от слова можно отгородиться, насколько хочется, банально заявив: «Не верю!» — но от дела или вещи, доказывающей его совершенство, не отгородишься. Вот он — аргумент — перед глазами: меч, как символ погибшего воина, стяг в крови в знак разорванного союза, нож и красная лужа — в знак состоявшегося убийства...

А слово надо просто произнести — жрица прогнала непрошенные видения.

Когда Берад вошел в ее комнату, рассыпался в признательности и попытался подарить янтарное кольцо, Шиада отвела руку с подарком и рассказала о просьбе Грея. Берад заморгал, надеясь, что сейчас проснется и все сказанное женой окажется сном. Но пробуждение упорно не наступало.

— Это... это он сторяча, — наконец выговорил мужчина.

— Ты сторяча не просил отравить тебя, когда валялся без сил в лазарете Кольдерта.

— Ну я ведь моложе отца.

Шиада устало вздохнула и — Берад готов был поклясться, что луна сошла с небес! — приблизилась, положила руку ему на щеку и улыбнулась.

— Ты чище отца, Берад. — Шиада показала герцогу на удивление мягкой и отзывчивой. Судя по всему, сей факт делал ее довольной.

— Не думаю, что Грей согласится поговорить с тобой о том, чего наворотил в прошлом, но все же попробуй. Если нет — приведи отцу священника и заставь исповедаться.

Берад ушам не поверил. Исповедаться? Исповедаться?!

— Шиада? — осторожно спросил мужчина, накрывая ее ладонь на лице своей.

Женщина тут же высвободилась:

— Чем дольше и сильнее страдает, умирая, человек, тем, как правило, хуже прожил жизнь или он, или кто-то из его ближайших предков. Исповедь могла бы помочь.

Несмотря на то что Шиада слегка отстранилась от него, Берад просиял:

— Господь Всемогущий! Шиада, не знаю даже, что сказать...

Но лирическое настроение супруги, кажется, уже иссякло.

— От тебя требуется не говорить, а действовать, Берад. Я полгода делаю для него все, что могу, но, чтобы сделать следующий шаг, нужно, чтобы ты сделал свой.

— Я понял, — согласился герцог.

— Тогда добрых снов, — напутствовала женщина, пряча улыбку.

Оценив намек, Берад ретировался из спальни супруги, зацепив по дороге очередную служанку, которая по всем формам вполне подходила ему в постели.

Шиада ткала. Многие женщины замка сидели здесь же, кто за прялкой, кто за станком. От жары и монотонной работы жрица почти задремала.

...Было пасмурно. Дул ветер. Воздушные потоки бушевали вдоль берега. Их продроглость и пронизывающий холод жрица чувствовала кожей. Шиада узнала побережье Бирюзового озера.

По дороге на запад шли трое: мужчина и две маленькие девочки вослед. Мужчина казался похожим на Берада, но со спины было непросто определить. Впрочем, незнакомец был ниже и худощавее нынешнего герцога. В левой руке он держал какое-то кольцо и время от времени вертел его, не разглядывая. Девочки Шиаде вовсе никого не напоминали. Одной из них было лет одиннадцать, второй — не больше шести. Каштановые косы обеих выглядели так, будто их не расчесывали несколько недель. Понурые, одетые едва ли не в рубища, слишком холодные для такой погоды.

Тропа постепенно сужалась. Извивалась змеей и поднималась вверх, в начинающуюся на западе вереницу гор. Тех самых, что с незапамятных времен отделяют Иландар от Западного Орса.

Ключья тумана с шелестом размыли видение, будто перелистнув страницу книги. Мужское лицо выглядело отдаленно знакомым. Девочки брели, спотыкаясь и не поспевая за мужчиной. Старшенькую Шиада прежде никогда не встречала, а в младшей уловила едва знакомые черты. Хотя, может, это печать животного страха кажется ей знакомой, а не сам образ?

По каменистому тракту забарабанил дождь. Камни скользили под ногами, грязь утяжеляла шаг. Мужчина плутал сильнее, и вскоре былой тропы и след простыл. Внезапно трое оказались у крутого спуска, и незнакомец выбросил вперед руку с кольцом. Перстень исчез среди скал. Мужчина гаркнул какое-то имя, и старшая из девочек подбежала на зов.

— Я обронил перстень твоей матери. Он ведь дорог нам, достань.

— Но...

— Достань, я сказал!

Девчонка посмотрела на обрыв, заметно бледнея. Спуститься вниз, не свернув шеи, было невозможно. Не говоря уже о том, чтобы искать среди скал такую мелочь, как кольцо.

— По-пожалуйста, — дрожащим голосом взмолилась девочка, вцепившись в собственное горло. Стеклянные от слез глаза остановились на незнакомце. — Пожалуйста, папа.

— Не полезешь сама — отправлю твою сестру!

Девочка, скуля, начала спускаться. Неуверенно, с опаской; платье мешало ей, и не было никакого шанса заткнуть подол за пояс. Один край оборвала почти сразу. С трудом, временно повиснув на слабеньких ручках, нашарила какую-то опору сначала для одной ноги, затем для

другой. По щекам стекали капли, никак не связанные с тучами. Спустившись не дальше чем на метр, замешкалась: куда теперь поставить ногу? Оглядывалась по сторонам, опасаясь поднять глаза вверх. Наконец заметила небольшой выступ в скале где-то слева. Если бы ей удалось дотянуться, она бы сумела спуститься ниже — там складывалась даже хорошая дорожка вниз!

Она сверзлась с пронзительным воплем. Тонкий девичий голосок разлетелся высоким эхом по окрестностям. Раздался хруст, где-то внизу распласталось, неестественно изогнувшись, тело. Из надтреснутого черепа, заливая камни, струилась кровь. Застывшие в ужасе глаза смотрели в небо.

На лице второй девочки мгновенно отразился весь кошмар Этана. Не помня себя, ребенок приблизился к взрослому, вцепившись в его штанину:

— П-папа? — позвала малютка, не понимая, почему влажнеет в глазах.

Мужчина же от ее прикосновения с отвращением дернулся и отшвырнул дочь ногой.

— Останься с сестрой. Когда звери растащат ее тело, можешь вернуться домой. — Он повернулся и пошел прочь.

— Папа! Папочка! — кинулась следом малышка.

— Уберись, жалкая сучка!

Девочка вновь вцепилась в отцовскую ногу:

— Папочка, пожалуйста, не оставляй нас здесь!

— Пошла вон, я сказал!

— Папочка, миленький! Я все сделаю, как ты скажешь! Всю жизнь буду в монастыре жить, только не оставляй меня здесь!

От рыданий девочка начала задыхаться. Мужчина не выдержал и с силой ударил девочку по лицу, едва не сломав шею. Малютка тут же, всхлипывая, притихла. Поняв, что дочь наконец замолчала, незнакомец немного утомился.

— Ладно, дрянь, тащись за мной. Но отстанешь — я ждать не буду.

Ребенок судорожно кивнул.

— А сестра? — спросила робко.

— А твоя сестра заслужила то же, что и ее мать! Всем суккубам полагается смерть в муках! Запомни, Гвендиор, расскажешь кому то, что произошло, — станешь следующей. Тебе ясно?

Кроха растерянно кивнула, утирая непрерывающийся поток слез, и побежала за отцом, спотыкаясь и всхлипывая время от времени...

Шиада втянула ртом воздух, ощущая, как по телу проходит волна судороги.

— Ваша светлость? — заоборачивались женщины.

— Вам недужится?

Жрица вдохнула полной грудью, стерла с лица выражение испуга и недоумения и легко покачала головой:

— Нет-нет, Лили, просто задремала от жары и чуть со стула не навернулась, растяпа, — улыбнулась.

Женщины захихикали в ответ.

Шиада методично доделала запланированную на сегодня часть работы, поддерживая беседу и сохраняя дружелюбный тон. Потом отдала распоряжения насчет ужина и заперлась в комнате для молений. По сей день комната оставалась тайной святыней жрицы, никто, кроме самой Шиады, не бывал в этом уголке старой веры в герцогстве Лигаров. Да и —

будем честны — почти никто не стремился переступить порог помещения, где «по пять раз на дню герцогиня взывала к дьяволу и лжебогине».

Итак, подумала жрица, закрывая за собой дверь, головоломка сложилась.

«Гвендиор», — произнес напоследок мужчина из видения. С этим именем Шиада мгновенно осознала, что маленькая девочка, являвшаяся в картинах Праматери, — нынешняя королева Гвен, ее отец — тот самый старик, что сейчас лежит немощным мешком с костями этажом выше. Да, он расплачивается за самый тяжкий из грехов: дето- и, судя по всему, женоубийство.

Так странно, подумала жрица, у нее никогда не возникало чувства, что Грей хоть сколько-нибудь привязан к сыну. Вот уж задача. Ведь Берад, казалось, соответствовал всем Греевым параметрам достойного человека: был христианином и мужчиной к тому же. Так почему?..

Ах да, отмахнулась Шиада, ясно как день: в сердце, где властвует ненависть — не так важно к кому именно, — нет места ни для какой любви.

...И фанатизм королевы, и ее нелюбовь к мужу, о которой нередко болтали при дворе, и ненависть к староверам — все стало ясным для Шиады, как звездный блеск. Гвендиор воспитывалась в Гуданском монастыре, как и обещала отцу, извращенцу заповедей богов, который не выносил женщин и воспринимал в них лишь их детородную суть. Монастырская обитель заузила и сполна насытила догмами разум Гвен, но не она научила ее бояться, презирать и осыпать проклятиями язычников. В конце концов, что запомнила эта девочка с детства? Из-за веры в языческую богиню умерли ее мать и сестра.

Замужество за старовером только подлило масла в огонь.

На брачном союзе с христианской девой Гвендиор настояла, как ни странно, Нелла. Юная в ту пору жрица, наследница Матери и госпожи Нилианы, она часто появлялась при дворе мужа матери, Элория, тогдашнего короля. В политических целях и согласно воле Праматери, сказала однажды Нелла отчиму, в невесты брату больше всего годилась одна из послушниц Гуданского монастыря. Когда девицу представили ко двору, отец Нироха недолго думая дал добро. Грею поставили перед фактом. Впрочем, тот не думал сопротивляться: надо же, так удачно сбыть девчонку с рук!

Не прошло пяти лет, как Элорий скончался. Нирох стал владыкой Иландара.

У Гвендиор появился шанс склонить к ногам государство и стать истинной его госпожой. Но каково же было ей жить с язычником?! Рожать от него детей? Хоронить их?.. Каждый день женщина замаливала грех собственного замужества с нечестивцем до ломоты в коленях, умоляя Господа послать ей ребенка и уберечь его. Но раз за разом Бог наказывал: из четверых рожденных детей в живых остался только Тройд — младшие его братья скончались вскоре после родов, старшая сестра упала с коня, сломав шею, а еще один ребенок погиб во чреве, недоношенным.

Интересно, подумала Шиада, знала ли Нелла ту часть жизни Гвендиор, которую сегодня узрела она сама? Жрица была уверена, что да. Но отчего же тогда Нелла настояла на браке брата с набожнейшей из всех христиан?

Ответ на это мог быть только один: рано или поздно христианские вожди из знати восстали бы, усадив на трон своего брата по исповеданию. Чтобы обеспечить воину и полководцу Нироху поддержку его вассалов, приходилось идти на компромисс — поддерживать равноценный баланс двух вер. Нирох прилагал все усилия, чтобы как можно дольше сохранять религию предков в королевстве. Именно это заставило его искать невесту

для сына в Архоне — последнем *союзном* оплоте язычества. И если бы не стойкость Виллины, Гвендиор уже давно удалось бы заставить молодую женщину принять крещение — так крепко она нападала на бедняжку.

Счастье было неведомо королеве: хотя вера в Праматерь прежде всего требовала от первого до последнего возможного дня держаться собственной матери, Нирох поправил эту заповедь, все детство ограничивая Тройда в его общении с Гвен. Королевские жрецы поддерживали его — женщины хранят традиции и обычаи. Доверь наследного принца в руки той, что несет в себе разрушение привычного уклада, — и твои внуки вырастут в другой стране. В результате Тройд, зная все законы христианства, до мозга костей остался язычником (который, к слову, находил свое супружество беспрельдно счастливым и удачным).

Таким образом, потеряв всякую надежду вразумить и наставить на путь сына, рассудила Шиада, Гвендиор рано или поздно сосредоточит все внимание на внуке. Этому маленькому мальчику, Норану, не посчастливилось родиться человеком, с которым связаны все самые благочестивые чаяния королевы Иландара.

Солнце за окном уже заметно опустилось, когда женщина прошла в кухни, в дальнюю их часть, где по ее указу готовили нехитрые снадобья для Грея. Когда ей не хватало времени готовить сложные лекарства, она всегда добавляла в общеизвестные отвары особые травы, способные усилить их врачевательный эффект. В комнате стоял пряный запах томящихся на огне зелий. Он напоминал жрице ее дом. Она сняла с огня котелок, обернув ручку тряпьем, раскрошила в него в соответствующих пропорциях листья и дробленые корни растений, влила по несколько ложек других, холодных настоев. Опять поставила на огонь, дала настояться минут пять, а после велела служанкам делать припарки из этого варева.

Час спустя герцогиня, закончив с лекарствами для свекра, села у изголовья его кровати и спросила:

— Ты говорил с сыном?

— Я каждый день говорю с ним.

— Не о том, судя по всему.

— Я его отец! Я не собираюсь спрашивать сына, что мне делать! — Лицо старика скривилось. — Дай мне яд, ведьма!

— Я говорила, что без согласия Берада ни о чем подобном даже не проси. Выбор твой, Грей, можешь мучиться, сколько хочется, — доброжелательно заметила жрица.

— Ты опять издеваться пришла?

— В отличие от тебя, я не издеваюсь над людьми. И не измываюсь. И не зверствую. Язычники куда добрее, чем ты думаешь, старый лорд.

— Господи, за что ты послал эту напасть в мой дом?! — взвыл старик.

Отставив деревянные чашки с лекарствами, Шиада села на стул возле кровати Грея.

— Это правда, что ты убил свою первую жену, старшую дочь, едва не убил младшую?

Грей осекся, прекратив завывания лишь для того, чтобы через мгновение накинуться на невестку с новой силой:

— Ты с ума сошла?

— Грей, ты прекрасно понимаешь, что уже одной ногой в могиле. Ответ хоть раз честно: ты убил свою дочь на глазах Гвендиор?

Грей мгновенно помрачнел, позеленел, а после и вовсе приобрел такой вид, будто его

огрели в основание черепа.

— Как ты узнала?

— А ты не догадываешься?

— Сатана нашептал тебе? — проговорил старик, вновь обретая уверенность в голосе.

— Сатана нашептал, — не стала спорить жрица. — Но он умолчал — за что.

— За дело.

— Жена была язычницей?

— И девчонка ее тоже! — Старик опять впал в раздражение. — Она так радовалась ей, ведьма, рыжая, как и ты! Так радовалась дочке! Дочке, когда мне нужен был сын! Все твердила, что лжебогиня благословила ее!

— Постой, — улыбнулась жрица. — Я верно поняла, ты был женат на жрице?

— Не на жрице. Но она выросла в этой вашей Обители.

Шиада расхохоталась. Праматерь любит шутки, это правда.

Грея между тем, видимо, сам черт потянул за язык.

— И она без конца твердила о том, что дочь надо посвятить служению богине. А потом она родила мне двух мертвых сыновей, и я понял, понял тогда! Все понял! Суккубы, соблазняющие мужчин ночами, а в их отсутствие выхолащивающие чертоги Люцифера, сами убивают сыновей! Это в вашей природе!

— Ты бы себя слышал, — сказала жрица, подавив смешок. Потерла висок.

— Заткнись! Я оставил в живых дочь, понадеявшись на монастырское воспитание. И вновь женился, на христианке, конечно, которая родила мне Берада. Скажешь после этого, что я рассуждал неправильно?! Разумеется, в благодарность я решил избавиться от всей дьявольщины и ее носителей в своей семье.

— От дочери?

— Да. Но жена отговорила меня. А потом померла от лихорадки.

— Хорошо, а Гвен-то чем провинилась?

— А на что мне девчонка, как заботиться о которой, я представления не имею?! Да и смысла в ней не было.

Шиада впервые, кажется, за жизнь буквально чуть со стула не упала, похолодев от ужаса. Вот так человек! И ведь он искренне верит в праведность своего дела... Такие люди дальше всех от Матери и Отца. И хотя Шиаду учили, что путь к Великим Высшим открыт каждому и каждый может при желании приблизиться к Ним, жрице думалось, что от таких людей, как Грей, Бог отвел длань, а Богиня отвернула лик.

— Берад знает? — спросила жрица, когда вновь смогла говорить спокойно.

— Нет.

— А о том, что ты и раньше был женат?

— Знает. Но про дочь не знает. Я всему замку под страхом смерти приказал молчать о ней.

— Думаю, как последовательница Всевластной Шиады, я поступлю мудрее, если заставлю тебя мучиться от боли и умирать так медленно, как только возможно, — процедила жрица. — В воздаяние за грехи.

На лице старика отразился страх.

— Да что ты можешь знать, мелкая...

— Прощайся с сыном, — перебила она, уходя.

Последние проклятия от Грея летели жрице уже в спину.

День был длинным. Жрице казалось, что начался он непонятно когда и непонятно когда закончится. Игнорируя прохладу, женщина вышла во внутренний двор, направилась к берегу озера. Вечерний ветер вымел из мыслей лишнее. И впрямь, разве что-то из происходящего имеет какой-то смысл, подумала Шиада, подняв голову. Сумерки. Время Шиады, Богини Воздаяния, Кровавой Госпожи Ворон... Ее серп уже блеснул в небесах темно-серой сталью. Как поступить? Все-таки подобная милость — милость быстрой кончины — не полагается незаслуженно. Праматерь дала жрице знание, но не подсказала решения. С одной стороны, воздаяние всегда одинаково, а с другой, нынче клинок Шиады и коса Нанданы — не что иное, как гнутый хвост Ядовитого. «Жаль врага до смерти», — гласит время Скорпиона. Возможно, если поспеть к сроку, Великая Мать не взыщет с самой жрицы за ошибку?

Срок Скорпиона — самый краткий в году, чуть больше шести дней. Потом наступит срок Заклинателя Змей — священное время для всех язычников Этана. Время, когда каждый ритуал, каждая мысль, каждый поступок — все взвешивает Праматерь и с удесятеренной силой карает недостойных... Странно чувствовать Змееносца здесь, где змеи не водятся вовсе.

На рассвете жрица зашла в покой мятущегося Грея с горячим, дымящимся отваром.

— Это я, — проговорила она, отерев его лоб. Как и ожидалось, старик не спал. — Я принесла лекарство.

Грей приподнялся в кровати не без труда. Кряхтя и закашливаясь, выпил все, без остатка, с жадностью.

— Вот и славно. — Она подтянула ему одеяло из шкур выше к горлу. — А теперь засыпай, лекарство уймёт лихорадку. Я посижу с тобой.

«Пока колесо не совершит полного круга и, сыграв сейчас роль Нанданы, я не уподоблюсь Тинар, дав тебе шанс возродиться».

К десяти утра в комнату Шиады пришел Берад, сообщивший, что ночью Грей отказался говорить со священником: «Нет во мне грехов!» — сквозь муки промычал старик. Шиада поняла, что самую суровую исповедь в жизни Грей прошел в беседе с ней и повторить еще раз оказался не в силах. К полудню Грей заснул крепче, чем спал когда-либо прежде. На старом восковом лице застыла маска удивления.

Отказ старого герцога от последней исповеди скрыли от всех — Берад не мог допустить, чтобы отца не отпели в церкви. Епископ Ваул и сам не был против оправдать все лихорадкой старика. А потому через два дня состоялись пышные похороны. Шиада отказалась носить траур, как Берад ни причитал. «В нашем кругу черное носят только истинные ведуньи, совершенно мудрые, жрицы храма Нанданы. Я не имею права носить этот цвет».

В следующие несколько дней Шиада доделала для Берада тунику и плащ, но пока не сказала ему о них. Тогда же возобновились встречи с Неларой.

— Наверное, — проговорила ближе к ночи последняя накануне похорон, — теперь начнется какой-то новый этап в жизни замка? Старый герцог жил долго, и его жизнь висела над озером, как тень. А теперь все изменится, ведь так?

— Разумеется, — ответила жрица, не задумываясь.

Первым и главным требованием, которое Бану выдвинула перед отцом и Сагромахом, задержавшись после одного из ужинов, была немедленная атака Синего дома.

— Но ведь синие нас особо не беспокоили пока, — удивился Маатхас. — У них своих забот по горло, и они вряд ли выступят, пока у нас Бут.

— Бут не у нас, а у меня, — оборвала танша. — И его голова принадлежит человеку, который мне помог в Оранжевом танааре.

— Кто это? — напряглись мужчины.

Маатхас, кажется, сообразил, о ком речь.

— Не имеет значения. Долг платежом красен. Разбей синих, отец.

Через две недели пятитысячное конное войско, включавшее Нера с его пятидесятью бойцами, пять сотен «меднотелых» и Бансабиру во главе, двинулось на юг. Десять дней часть войск, доверенная Руссе, держалась рядом, и брат с сестрой могли проводить вместе все свободное время, вызывая немыслимое недовольство Нера. Еще бы — наущенный старшим братом, он делал все, чтобы сблизиться с женой, но эта грубая и нетерпимая девка, кажется, знать не знала, что такое брак. Даже хуже — Бану либо считала его своим подчиненным, либо, если оказывалась довольно благожелательной, не замечала вовсе. Для маленькой танши муж существовал только ночами. Да и то! Пока войско ее брата двигалось в том же направлении, после соития женщина уходила о чем-то с ним болтать. Нер даже взял на душу грех, как-то прикинув, что, может, они там и не болтают вовсе.

Однако Русса и Бану действительно проговорили не одну ночь напролет, и далеко не все это время обсуждали дела. Пока брат был рядом, Бану могла прогонять мысли о Маатхасе. А потом дела вновь захватят ее целиком и в сознании останутся только слова «командующий», «офицер», «солдат», «боец», «юнец», «тан», «болван», «пленник», «придурок». Никаких имен, лишь звания, титулы, личное мнение. Обязательства — лучшее лекарство от чувств.

Вскоре бастард увел армию партизанить по Синему танаару Наадалов, а Бану (в чьей клетке до сих пор сидел Бут Наадал) возглавила летучий отряд убийц, ставший наказанием богов для всей страны.

Везде, где не ждали, появлялся отряд Бану. Одни таны планировали заключать союзы — дружеские отношения сбивали лазутчики Бансабиры. Другие планировали занять какую-нибудь крепость — Бану не давала даже подобраться к ней, нанося по врагу несколько прицельных жалящих ударов. Третьи перебрасывали войска через переправы — Бану была тут как тут. Четвертые переходили громадными силами равнины — Бану ловко провоцировала сражение, уводя части воинства к ближайшим теснинам, где давила засадами. Пятые шли водным путем — Бану брала лишь часть воинства, рассаживала на отбитые прежде корабли, загоняла противника (только если знала, что он не слишком умен) в глухие бухты и, дождавшись, пока подойдет оставшаяся часть армии, давила, как тараканов.

Почти никогда Бансабира не гоняла по этим «заданиям» все пять тысяч — заняв выгодную позицию, она нередко ограничивалась тем, что посылала к очередной стратегической точке только одно подразделение, а иногда и его половину.

Расставшись с братом, Бану реорганизовала вверенное ей войско от и до.

— Все эти ваши дивизии, батальоны и полки — мне от них спасу нет! — заявила она на общем собрании офицеров утром четырнадцатого дня от начала похода.

Собрание проходило на воздухе, потому что вместить всех в шатер не было возможности. Несколько столов по приказу танши составили вместе прямо под открытым

небом. Во главе сидела только Бану, Нер расположился по ее левую руку. Юдейр был на подхвате, держась рядом и по первости ничем не выдавая собственного присутствия. Радус Одханом каменными истуканами стояли за спиной танши, положив руки на рукояти мечей.

— В итоге у меня в армии какое-то немыслимое количество командиров, в чьих рангах я толком не могу разобраться. Я перераспределю вас иначе. — Она сделала знак, и Юдейр разложил перед мужчинами несколько листов с одинаковыми записями. Среди собравшихся пробежал первый шепоток. — Поскольку численность войска составляет пять тысяч копий, я сгруппирую их в пять подразделений. Арифметика несложная, я думаю, — с тонким ехидством заметила женщина. — Каждое из подразделений будет возглавлять командир, которому разрешается иметь десять сотников, имена и заслуги которых должны быть согласованы со мной. Каждому тысячнику также надлежит назначить из числа сотников вицекомандира. Каждый сотник, он же капитан отряда, по своему усмотрению может назначить десять десятников, — быстро пробежала глазами по офицерам: кто-то пристально разглядывает предоставленные бумаги, кто-то в упор, почти с жадностью смотрит на нее. Хорошо.

— Таким образом, весь офицерский состав с этого дня делится на старшее, среднее и низшее командование — для меня более отчетливо, чем прежде. Пятьсот «меднотелых», которыми нас снабдил тан Яввуз, будут распределены между подразделениями по одной сотне в каждом. Однако все капитаны отрядов «меднотелых», как личной гвардии правителя, подчиняются в первую очередь напрямую мне, а во вторую — своему командиру. Единым командующим над бывшим полком «меднотелых» назначается Радус.

По столам прошел ропот. Этот безродный громадина? Чертов выскочка! Мало, что ли, что он и так уже полгода трется возле танши, как щенок, которому перепадает половина костей со стола?

Сам Радус не отреагировал никак — только о ребра шарахнуло так, что раздался шум в ушах.

— Кто-то хочет выразить свое несогласие? — безмятежно спросила тану, осматривая ряды.

Ну и что прикажете на это отвечать? Мужчины примолкли.

— Хорошо, — спокойно продолжила женщина. — Также мне напрямую подчиняется все старшее командование, как вы понимаете. Первое подразделение я возглавлю сама, второе — Гистасп, третье — Гобрий, четвертое — Нер, пятое — Бугут.

Одновременно раздалось два выдоха. Один, полный возмущения, принадлежал Неру — он с трудом сдерживал собственное бешенство. Еще бы, жена только что объявила его подчиненным! Прилюдно понизила, подмяла под себя, ноги вытерла, сука! Да гореть в пламени таким женам! Глядя на благоверного, Бансабира внутренне усмехнулась — кажется, этот недотепа хоть чем-то похож на своего безбашенного братца.

Другой выдох издал коротконогий темнокожий Бугут, один из опытейших бойцов Сабира, немного старше Гистаспа, который до этого утра был командующим полка «меднотелых» в воинстве Бану. Когда последняя передала его полномочия Радусу, он трех ударов в груди недосчитался — малыми трудами, что ли, ему достался этот пост?! Но, разумеется, виду не подал. А вот сейчас от сердца отлегло: повысили, значит.

Бансабира, отметив происходящее и ничуть не поменявшись в лице, продолжала уверенно и ровно:

— В остальном многое остается по-прежнему, однако об обязанностях каждого

подразделения я бы хотела поговорить только в присутствии командиров. Если вопросов нет, можете расходиться.

Вопросов не было — только тотальное возмущение, которого большинству никак не удавалось скрыть. Да что же она творит, зарвавшаяся девчонка?! Так думали те, кого прежде с ней не было. Это ей, родившейся в семье тана, жизнь в ручки вложила статус и войска в подчинение, а среди офицеров среднего звена было прежде немало таких, кому должность обошлась ценой жестоких побоев и половины жизни.

— Дан, Серт! — окликнула Бану, достаточно насладившись их понурым видом. — Задержитесь. Юдейр, перенеси все необходимое в мой шатер, мы продолжим внутри. Вы двое, — оглядела оставленных офицеров, — ждите снаружи.

— Да, тану, — не очень живо отозвалась парочка.

Когда группа людей отгородилась от мира сводами и пологом шатра, Бану продолжила заметно тише, но так же властно:

— Второе подразделение, Гистасп, как и прежде, будет ответственно за пленных. Под твоим началом будет вся элитная конница. Тех, кто может стрелять из лука на всем скаку с обеих рук, собери в отдельный отряд.

— Понял, госпожа, — он улыбнулся глазами.

Бану уже очень хорошо знала смысл такой улыбки. Гистасп больше всех остальных попервости внушал Бансабуре тревогу: он почти со всеми был неизменно вежлив; в общем, безоговорочно подчинялся ее приказам; осаждал не в меру горячего Гоброя. Но когда дело доходило до решений, Бану отчетливо видела, что Гистасп мог без тени сомнения или сожаления проявить невиданную прежде безжалостность; не меняясь в лице, смотреть на зверство в адрес даже, казалось, приближенных к нему людей; мог пойти на самую вопиющую гнусность, будь то подкуп или предательство товарища. Граница между его учтивостью и истинной благожелательностью — той самой, которую танша быстро научилась отличать только по выражению в действительности удивительно добрых глаз, — казалась почти не приметной, но на деле оказывалась непреодолимой и громадной до того, что поначалу доводила Бансабиру до холодного пота. Нередко Бану приходила к мысли, что уж кому-кому, а Гистаспу больше других пошло бы носить на левом плече черную саблю из Храма Даг.

— Бугут, — танша перевела взгляд, — твое подразделение ответственно за все переходы, переправы, возню с реками и кораблями. Всех легких на подъем, с крепкими и сильными ногами, всех, способных покрывать большие расстояния пешком, преодолевать горы и трясины, распределяют к тебе. Имей в виду, именно твоя обязанность в сражениях добывать знамена врага.

«Ну хотя бы не за пленных отвечать», — подумал мужчина и послушно отрапортовал:

— Слушаюсь, тану!

— Нер...

— Бану?

Вот же! Бансабира проглотила желание цокнуть языком.

— Все вспомогательные войска, обоз, лекари, фуражировка, — отчеканила женщина.

— Бану, это почти пятьсот человек! — взвыл Нер. — А биться-то в моем отряде кто будет?

— Оставшиеся пятьсот, это же очевидно, — сказала Бану так, что Гистасп вновь услышал ее циничное «Арифметика несложная, я думаю».

— А ты не забываешься?

Присутствовавшие, как обычно, Раду и Юдейр переглянулись. Не было ни дня с тех пор, как в их лагере появился этот молокосос, чтобы им обоим не хотелось ему врезать. За то ли, что рот открывал чаще положенного, как вот сейчас, или просто за то, что находился рядом с таншей, — без разницы, ей-богу! Кажется, еще ни в чем и никогда эти двое не были столь единомышленны.

— Я ахтанат дома Каамал, — повысил бесцветный голос Нер. Его крупные губы-вареники при этом как-то смешно двигались, заметила Бану.

— О, я не забываю об этом ни на минуту, дорогой супруг, — вежливо отозвалась женщина. — Именно поэтому, я полагаю, тебе следует попросить у своего отца больше войск. В конце концов, чтобы сделать тебя командиром подразделения, мне пришлось поставить под твое командование девятьсот пятьдесят человек из пурпурных.

Гистасп хохотнул в кулак, Гобрий в усы, Бугут тоже не удержал смеха, но, еще совсем не привыкший к повадкам молодой госпожи, замаскировал под кашель. Раду с Юдейром вновь понимающе переглянулись — дескать, знай свое место, сопостельник, — и тут же поотворачивались. Нечего делать вид, будто они хоть о чем-то думают одинаково.

У Бану происходящее, похоже, не вызывало вообще никакого интереса.

— Если вопросов больше нет, Нер, Бугут, можете идти.

Бугут выглядел довольно растерянным, но взял себя в руки, поклонился, поблагодарил за повышение и ретировался. Нер, будто намереваясь что-то еще сказать, мялся дольше, чем вызывал особую усмешку, в первую очередь у Юдейра. Еще бы — за первый месяц своей службы оруженосец выслушал окрик «Не мямли!» больше, чем оставшееся войско, вместе взятое, за последующий год.

Когда наконец вышел и Нер, Бансабира перевела дух и продолжила:

— Гобрий, в твое подразделение надо определить всех наиболее отважных, быстрых, обладающих силой и сноровкой — крушить боевые порядки врага будешь именно ты.

Старый вояка заметно разгорячился.

— Кроме того, у меня для тебя еще две принципиально важные задачи. Первое — как хочешь, сделай так, чтобы сотники под командованием Нера были из проверенных людей. Всех провинившихся, утративших заслуги, поддавшихся панике, словом, так или иначе опозорившихся — всех собрать в четвертом подразделении. И больше того, мне нужно, чтобы за Каамалом постоянно следили.

— Хм, — Гобрий потер морщинистую щеку. — Я бы, конечно, перво-наперво предложил определить в четвертое подразделение Дана.

Бансабира качнула головой:

— Дан слишком выделяется. К тому же Дан и Серт остаются в моем подразделении.

— Тогда, может, Такул? — направил Гистасп. — Нужен кто-то, кто с первых дней возглавлял отдельные группы и имеет представление о ваших требованиях. К тому же Такул достаточно неприметен.

Бану покачала головой и в этот раз:

— Не считая того, что Такул начисто лишен воображения, он на моей памяти не смог самостоятельно принять ни одного стоящего решения. Его бы, кстати, я определила к тебе, Гистасп, — заглянула в глаза командиру.

— Ну, как скажете, — отозвался мужчина.

— Словом, Гобрий, подумай об этом сегодня-завтра. Потом поговорим.

Гобрий кивнул:

— Постараюсь подобрать людей как можно быстрее. А в чем вторая задача?

— Защищать меня, — безапелляционно заявила танша. Повисло молчание.

— Не понял? — наконец честно признался Гобрий. — Разве это не обязанность всего войска?

— Это, конечно, верно, но я говорю о другом. Ты будешь ответственным за внутреннюю дисциплину армии. Мне нужен хороший хлыст на привалах, прочный щит в обороне и острый меч в авангарде. Так яснее?

— Так — да, — с облегчением отозвался командующий.

— Тогда, — Бану указала рукой на полог, — приступай к обязанностям, командир третьего подразделения.

Гобрий поднялся, поклонился и вышел. Бану, велев на этот раз и охранникам подождать снаружи, перевела взгляд на последнего командира в шатре. Да уж, если Гобрю можно было увлечь за собой только силой, то этот признавал исключительно хитрость. Не хитрость против него самого, а хитрость, его достойную. Как ни крути, у Гистаспа крайне необычное представление о чести и порядках, признала Бану.

— Все, что я хочу знать, Гистасп, понял ли ты суть своих обязанностей?

— Я ответственен за пленных.

— За всех пленных.

— В том числе и за тех, знать о которых можем только мы.

Бансабира оскалилась, Гистасп прищурился.

— Скажи, пусть Раду зайдет один.

— Слушаюсь, — поклонился, исчез.

Увалень не услышал ничего особо нового. Командование ему полагалось временное и лишь в тех случаях, когда бы госпожа собирала «меднотелых» в отдельный отряд. В бою — всегда действовать по приказу. А в остальном как был главным телохранителем, так и остался.

Бану приказала позвать Юдейра — нечего отлынивать — и заодно ожидавших Серта с Даном, но Раду отчего-то не кинулся выполнять поручение, а произнес:

— Могу я спросить?

— Ну, давай представим, что именно сейчас ты не телохранитель, а командир «меднотелых». Говори.

— Я бы хотел на самом деле внести предложение в задание, которое вы дали Гобрю. — Раду замолк, ожидая реакции танши, но поскольку та не возражала, осторожно продолжил. — Возможно, подобрать нужного человека командиру Гобрю и удастся. Но может возникнуть одна проблема. Новым перегруппированием войск вы уравнили многих офицеров прежде разных рангов. Те, кто командовал полком, то есть пятью сотнями, теперь стоят в ряду собственно с сотниками — до этого утра самыми низко поставленными офицерами среднего звена. Больше того, вчерашний полководец сегодня может оказаться никем просто потому, что его не выберет командир. Словом, даже если нужные вам для слежки за Каамалом люди отыщутся, может статься, из-за определенной обиды, они начнут мутить воду в четвертом полк... подразделении. А тут и лидер — ваш муж, с которым, судя по всему, у вас не самые хорошие отношения.

— О моей семейной жизни ты бы помолчал, — одернула Бану. — К чему ведешь?

— К тому, что, может, Такул — не самый плохой вариант? Он, как вы сказали, не самый

великий стратег, но он вам предан. Или, может, стоит направить в подразделение ахтаната Нера кого-то из вашей охраны?

Бану пришлось опять помотать головой:

— Назначить кого-то из охраны — слишком очевидно, сам понимаешь. А что до твоих опасений, уверена, ничего подобного не случится. Спроси у Гистаспа с Гобрием, Раду, хорошие офицеры на дорогах не валяются. Есть вполне определенные требования, которым каждый из них обязан соответствовать. Короче, именно на среднем звене установленное мной распределение никак, в сущности, не отразится. Просто теперь их больше, все они — сотники и у каждого есть шанс стать вицекомандиром. Вот и вся разница. Потом, слушал ты, видимо, невнимательно. В конечном счете, сотников тоже утверждаю я, а потому — на собраниях офицеров мне светит видеть те же лица, на которые я уже год смотрю. Пожалуй, единственные, кому сейчас стоит держаться за место волчьей хваткой, — десятники. Но ведь на то и была ставка — заставить этих оболтусов стать ответственнее и сильнее. Каждый человек вынужден становиться сильнее, если понимает, что кто-то с легкостью может отнять у него все, а за спиной на это «все» еще девять очереди ждет. Вот глянь на Юдейра — он и без того неплохо понимал свое положение, а однажды и вовсе огреб от меня так, что теперь захочу — не найду, за что его отстранить, — засмеялась женщина.

Раду втайне возликовал, но постарался скрыть чувства. Танша заметила. Праматерь, такой огромный недотепа, в сердцах улыбнулась женщина.

Наконец дошел черед и до Серта с Даном.

— К вам у меня разговор короткий, — проговорила Мать лагерей. — Как вы уже поняли, вы оба будете находиться под моим непосредственным командованием. Серт, ты возглавишь карательный отряд.

— Карательный? — Светлая бровь с прорехой взлетела на лбу.

— Именно. Разумеется, никому не нужно говорить, что он карательный, номинально ты будешь обычным сотником. Однако твой отряд должен в первую очередь сообщать мне обо всех умонастроениях в подразделениях — что болтают под знаменами и у костров, а во вторую — тайком рубить головы тех, кто будет болтать лишнее.

— П-понял, — заикнулся Серт. Вот так прямо? Да еще при посторонних?

А кому еще я могу это поручить, будто в ответ думала Бану, если именно ты приносил на хвосте почти все по-настоящему важные сплетни и слухи за прошлый год?

Танша сдержанно кивнула, переводя взгляд на Дана. Тот мгновенно приосанился. Лицо одновременно светилось и было серьезно. Прикажи ему сейчас влезть на стол и спеть кабацкую — не погнушался бы, ради повышения не погнушался бы, мысленно усмехнулась Бану. Да уж, придется поработать, чтобы научить его быть спокойнее. И как ему удавалось вести за собой полк?

Дан действительно разве что не елозил на походном табурете — чуть не озверел от любопытства, пока ждал снаружи, а теперь еще здесь, танша такие паузы делает и смотрит... будто насквозь видит, чем он завтракал! Ну почему она смотрит и молчит? Что ему-то придется делать? Надзор за пленными? Вряд ли... Разведка? Да такое вообще на грани вымысла... В личный отряд охранников? Черт знает... В отряд Гобрия? А чего бы ему тогда столько ждать у ее шатра...

— Поздравляю с повышением, вицекомандир первого подразделения, — с непроницаемой миной проговорила тану, не сводя глаз с лица подчиненного.

Дан от неожиданности вздрогнул и даже икнул.

— Я? — Огляделся: может, кто еще вошел в шатер.

— Будешь задавать глупые вопросы — разжалую, — предупредила Бану еще более бесцветно.

— Готов служить! — отрапортовал новоявленный вицекомандир.

— Тогда приступай, — велела Бану.

Праматерь, потянулась танша, сколько шума, сколько разговоров, сколько людей... а ведь еще только утро! Стоит взяться за меч, потренироваться и трубить отход. За этот день хорошо бы сделать бросок миль на десять.

Установленные порядки прижились быстро. Как Бану и говорила, среднеофицерский состав внакладе не остался и довольно быстро вернул Бану прежний положительный статус. Зато возможностей для дружеского сговора у многих убавилось — почти каждый, несмотря на хорошие или неплохие отношения с другими сотниками подразделения, радел теперь в первую очередь за собственный шанс стать вицекомандиром.

Грабили ведомые Бану пять тысяч охотно и много. Простое правило войны гласило: солдат бери из дому, а еду для них — у противника. Так что Бану было с чего щедро вознаграждать тех, кто достигал заслуг. Причем награждать именно в зависимости от заслуг, а не от рангов. Храм Даг научил простому и безукоризненному закону: человек, имеющий надежную перспективу получить материальную выгоду, берется подчас за самое трудное дело. А уж если перспектива обещала помимо золота или серебра еще и определенное уважение в рядах — нередко хватался и за то, которое прежде считал бы невыполнимым.

С наказаниями женщина обходилась так же: карала строго, невзирая на ранги и прошлые заслуги, без промедления. Исключением стал один-единственный Ул, но пожалеть о своей пристрастности Бану не пришлось — он как нельзя лучше вписался на место лидера многочисленных провинившихся бойцов, алчущих вернуть положение, уважение и добиться наград. Иными словами, ему идеально подошла должность вицекомандира в четвертом подразделении, так что теперь тысячная орда под рукой Нера Каамала твердо и уверенно подчинялась воле Бану.

Давая бойцам заслуженный отдых, позволяя праздновать, когда была возможность, нет-нет да и отправляя подарки семьям особенно отличившихся солдат, Бану, однако, сама держалась довольно просто. По обыкновению. Недостижимая и равнодушная в приказах и на поле боя, женщина могла безапелляционно отругать, как мальчишек, Гобрю с Гистаспом (наедине, конечно), а могла дружески потрепать по плечу рядового, которого прежде вообще не видела в рядах, если у того после сражения слишком дрожали руки. Мол, молодец, хорошо справился, так держать.

Ничего хмельного танша не допускала, да и в рядах был установлен строжайший норматив в потреблении пива или вина на пирушках, превышать который было запрещено под страхом смерти. Зато, если получалось захватить селения со скотоводческими угодьями, все знали, что первая чаша парного молока уйдет госпоже. Это даже начинало напоминать какой-то обычай. Довольно трогательный, как говорил Гистасп.

Как и прежде, Бану не давала возможности слишком долго сокрушаться или причитать в ее присутствии, от похвал отмахивалась — дел еще тьма. Что ведь самое главное в воинстве? Обучение. Так что надо бы посмотреть, как хорошо сейчас в пятом подразделении делают повороты направо и налево, особенно в каре; как быстро меняют построения в третьем, как

ловко разделяются и соединяются сотни — во втором, насколько скоро и правильно реагируют на звуковые сигналы в четвертом...

Ах да, еще личная гвардия... Мастера по оружию и конюхи с какими-то докладами и запросами... Юдейр и Радуга опять поцапались? Благо пока только за грудки хватаются, не дальше, но ведь это дело времени... Оба зарвались вконец, по клеткам, что ли, рассадить? Нер опять напился и задирает солдат... Этого смертной казнью не накажешь. Вообще никак не накажешь, пока Бойня Двенадцати Красок не кончится... Скорей бы разведка добыла столь нужные сведения, чтобы все наконец завершить. И надо бы сдвинуться еще на тридцать лиг — тан Шаут изрядно гоняет их по всей стране, надеясь отомстить за позорную смерть Сциры Алой...

В моменты получения подобных новостей или размышлений Бану всегда молча вертела в руках нож, не позволяя себе меняться в лице. Ведь, несмотря на все казалось бы мелкие неурядицы, ее пятитысячное войско не без причин начало внушать ясовцам, в том числе танским домам, самый искренний страх. Даже раману Тахивран, государыня Яса, снабжаемая тайком от мужа сведениями от разведчиков со всей страны, невольно вздрагивала, получая донесения. Ну так еще бы, обычно бурчал Гобрий, «что бы то ни было, а выросла девчонка на войне».

Королева Гвендиор вышла на балкон. Обхватила себя руками, кутаясь в шаль: от предрассветного тумана знобило. Третье утро женщина поднималась засветло, размышляя, как обратить невестку ко Христу. В целом Гвен давно наплевала на вероисповедание Виллины, но с появлением Норана все изменилось. Чтобы христианство утвердилось по всему Иландару, нужен решающий шаг — принятие его в семье правителя. Если владыка земель, Норан, восходя на престол, будет приверженцем Христа, все язычники рано или поздно последуют примеру. Но так уж заповедал Господь, что детям невозможно принять крещение Христово прежде матери, а сломить языческий дух архонки оказалось трудно.

Гвендиор перепробовала многое: просьбы, внушения, угрозы; ненавязчивые предложения прогуляться к обедне или настойчивые требования явиться к заутрене — все было без толку.

За что Господь наказывает ее? За что дал мужа-язычника, который не считается ни с одним словом в Писании? За что отнял от церкви сына и теперь не помогает привести к Нему хотя бы эту женщину, мать Норана? Почему Бог позволил, чтобы в ее, Гвендиор, доме появилась малолетняя жрица, рассадница гнусной заразы? Прелюбодейка, поправшая Его Всесвятое имя, которой должно взойти на очистительный костер, которую Гвен должна принимать как гостью по указке мужа, который не ставит жену ни во что! Неужели Бог так проверяет ее веру?

Гвен терзалась этими вопросами не первый день, но не было дня, чтобы Владыка Сущего ответил. Тем не менее происходящее казалось Гвендиор высшей несправедливостью.

Закон велит женам принимать веру мужа. И Тройд — как ни сопротивлялась Гвен, пока сын был мал, — вырос язычником. Так как заставить Виллину стать христианкой? Как вообще можно искоренить зло в стране, где сами христиане лояльны к старой вере?! За примером и ходить далеко не надо — племянница Нироха ведет себя с мужем, который старше нее более чем в два раза, так, будто ровня ему. Никакого смирения и почтения, только своеобразие, вместо того чтобы убояться мужа, устыдившись собственной природы. И Берад хорош! Нянькается с ведьмой, точно она Дева Пречистая! Знай он, чего семье стоило язычество, ни за что бы не стал таким слабаком!

Ветер подул сильнее, заставив королеву вернуться в покой, где на огромном ложе раскинулся Нирох. Женщина смерила мужа презрительным взглядом и пошла в смежную комнату — служанки уже должны были подготовить одежду.

Рачительная хозяйка, королева, воспитанная в лучших традициях аскетизма, не любила двух вещей: расходовать ценные и малочисленные продукты в непраздные дни и кормить чужие рты.

В ту пору при дворе было несколько гостей — молодых рыцарей. Среди них двое сыновей барона Одоара (после минувшей войны у него еще осталось шесть здоровых увальней), совсем юный четырнадцатилетний мальчишка сэра Гатлорна и Ронелих, герцог Мэинтарский.

После разрушительной бойни Нирох принялся укреплять границы королевства. И начать решил с возведения новых фортов на севере и западе. Потому предполагалось, что после разговора с Ронелихом и Хорнтеллом — герцогом западных земель — эти двое разъедутся

восвояси, всерьез принявшись за строительство. Оставив жену и сына на попечение младшего из братьев, Растага, Ронелих прибыл в Кольдерт. Роланда, среднего из сыновей покойного Рейслоу Стансора, Ронелих взял с собой: нрав у него склочный, мало ли что.

После переговоров герцог Клион Хорнтелл вернулся в надел, не затягивая, а Ронелиху, как племяннику, Нирох разрешил погостить пару дней, учитывая, что со дня на день должны были прибыть еще два его родича.

Сыновья храмовницы Гленн и Тирант разнились как земля и небо — несхожи во всем. Каждый пошел в отца: Гленна Нелла зачала от Таланара, а Тирант приходился бастардом Клиону Хорнтеллу (который в прежние времена весьма добропорядочно соблюдал все Нэлеймы — празднества плодородия). Гленн вырос смуглым, стройным, жилистым, как саксаул, не слишком высоким широкобровым молодым мужчиной. Волосы цвета воронова крыла, почти до лопаток, носил на друидский манер заплетенными вдоль висков в тонкие косы. Заостренные черты лица, четко очерченные губы и точеный подбородок делали его похожим на кинжал, как говаривала его мать. Все в лице Гленна — от узкого подбородка до выведенных вайдой двух крыльев, вбитых у правого виска, как символ причастности культу жрецов, — предостерегало: он носитель древней крови. Друид словно призывал: «Бойся меня, христианский сын, ибо я змей — я опасен, и хитер, и мудр». И как всякий змей, Гленн был златоуст.

Тирант, напротив, был сероок, светлокудр и огромен, как раскидистый клен. С короткими вьющимися волосами, крупными чертами и носом-картофелиной Тирант выглядел самым истым дружинником короля и, кажется, вообще никогда не слышал о переговорах. Он любил бойню, женщин, хмельное пиво. Называть его набожным было глупо, однако он регулярно, каждое воскресенье ходил в церковь, что, впрочем, не мешало спать всю мессу и отправляться к причастию, выкарабкиваясь из объятий очередной трактирной девицы.

Однако представить сыновей Неллы порознь было невозможно. Когда завершилась последняя война со скахирами и король отправил Гленна с посольством в Адани, Тирант без промедлений последовал за братом. Теперь молодые мужчины возвратились, и вряд ли кто-то не обратил внимания, что скакали они во главе кавалькады плечом к плечу. Люди даже шутили порой, что эти двое, мол, даже женятся непременно на сестрах и обязательно в один день.

К вечеру королева Гвен без удовольствия подготовила праздник. Нирох выглядел довольным, и молодое поколение родичей — дети Неллы, Нироха и Мэррит — тоже. Боевые товарищи больше всего напоминали юнцов: в голос смеялись над грубоватыми байками, не забывая шутки ради пихать друг друга локтями под дых.

В начале застолья, пока пиво и вино еще не ударили в голову, Нирох настоял на рассказе братьев о новостях, которые те привезли с запада. Гленн взял слово:

— Владыка Адани Тидан пребывает в добром здравии и шлет тебе привет. — Голос жреца и впрямь отдавал какой-то змеиной породой: он легонько шелестел, точно струился из уст, убаюкивая и лаская. — Его супруга также здорова, хотя три месяца назад родила дочку.

Нирох удивился:

— Эйя уже немолода.

— Верно. Говорят, роды были тяжелыми, но царица поправилась. Возможно, малютке со временем удастся сыграть свою роль, чтобы помочь родителям отделаться от Западного Орса.

Их тяжбы все еще не закончилась.

— Адани и Орс? — Ронелих почесал висок. Сам он никогда не был в землях, даже приграничных с Адани, поэтому текущий разговор его не особо занимал. — Разве они не были союзниками? — попытался вспомнить какие-то сведения.

— Были, да кончились, — ответил Тирант и с новым пылом набросился на еду.

Гленн, сообразив, что в ситуацию стоит внести ясность, добавил:

— Не поделили реку Антейн.

Нирох кивнул:

— Пограничье между этими двумя оспаривается уже много лет. Недавно Тидан попытался прийти к соглашению через брак — сосватать дочь за наследника Орса, но...

Тирант звучно проглотил недожеванный ком пищи, икнул и резюмировал:

— Но сидеть царевне в девках. Йэк, — Тирант еще икнул, маша рукой. — Дай-ка, — протянул руки к идущему мимо слуге с выпивкой. Взяв здоровенную кружку, Тирант любовно поглядел на пенный эль.

Гвендиор, наблюдая за мужчиной, с отвращением скривилась.

— Ну а что?! — пригубив, Тирант возмутился. — Эль сам себя не выпьет, пока вы болтаете.

Гленн спокойно опустил глаза — только уголки губ предательски дрогнули в усмешке. Нирох предпочел игнорировать происходящее.

— Что еще? — спросил король.

— Да много чего, — пожал Гленн плечами, медленно поджимая губы. Собирался с мыслями, понял Тирант. — К слову о союзах, — добавил Гленн, взяв необходимый тон. — Ходят слухи, мой король, Архон собирается заключить союз с некоторыми из племен.

— А по-моему, Таланар сказал, что союз уже заключен, — влез Тирант, поглощая ужин. — Или почти заключен. Ну или как-то так, да.

Гленн бросил на брата короткий взгляд.

— Что?! — спросил Нирох.

— Так Таланар в курсе? — Гвен свирепо уставилась на мужа: «Вот видишь, к чему ведет твоя лояльность к ангоратским ублюдкам!»

Гленн, отчетливо услышавший недовольство королевы, не подал виду.

— По дороге в Иландар мы встретили моего отца, — размеренно проговорил друид. — Из его слов я понял, что присяга некоторых из саддар Архону дело времени, не больше. Однако я полагаю, поговорив с храмовницей и почтенным, вы могли бы использовать сложившееся обстоятельство Иландару во благо, мой ко...

Гвендиор затрясло крупной дрожью.

— Гвен, не стоит так переживать. — Король, заметив состояние жены, успокаивающе накрыл женскую ладонь собственной. Но та отбросила ее и гневно взвизгнула:

— Есть ли измена больше этой?! Зная, сколько проблем приносят нам эти войны, зная, сколько наших земель вытоптали эти скоты, сколько перерезали людей, скольких изнасиловали женщин, Удгар смел заключить с ними союз?!

— Гвен, — строже выговорил Нирох. — Возьми себя в руки.

Королева не унималась:

— Тогда нам следует заковать его дочь в цепи, запрыгать в темницу и заморить голодом! — Гвендиор ткнула пальцем в Виллину.

Невестка вздрогнула, вжавшись в стул: о властности ее величества в столице ходило

немало пересудов.

— Замолчи уже, — осадил жену Нирох. В зале притихли. — Королю Удгару виднее, что делать со своей страной. Он не порывал с нами альянса, а прочие дела Архона нас не касаются.

«Будем надеяться, — думал Страбон, — подчинив себе племена, Архон облегчит нам жизнь, обезопасив хотя бы южные границы Иландара».

Гвендиор притихла, поджав губы и скрипя зубами. Нет, не потому что боялась мужа, а потому, что наконец увидела свой путь к цели.

Гуляние возобновилось. Покинув помост короля, Гленн и Тирант уселись ярусом ниже, рядом с Ронелихом, по другую сторону которого сидел Тройд.

— Ну, про наши дела вы слышали, теперь о ваших, — бодрее обычного произнес Гленн.

— Да-да, — весело поддержал его Тирант. — Не приелась семейная жизнь? Я-то вот не прочь бы покрушить вражеские черепа. — Громила потряс кулаками, случайно при этом зацепив бокал с пивом. Тот грохнулся на пол. — Ох, вот же!

Тирант запыхтел, ворчливо сокрушаясь о пролитом добре.

— Женись — сам узнаешь, что и когда наскучит, — ответил Ронелих, снисходительно глядя на кузена.

— Ша! — выкрикнул Тирант, жестом велел слуге принести новую кружку, побольше. — Каждый день по собственной воле просыпаться с одной и той же бабой! Я что, болван? — добавил он, повысив голос и заметно подмигнув разносившей снедь девушке. Цветущий вид розовощекой красавицы с аппетитными формами здорово будоражил воображение.

— Не слушай его, Ронелих, он всегда такой, — усмехнулся Тройд. И дело не в возрасте, подумал принц. Да, Тирант среди кузенов самый младший, но, например, сам Тройд вообще никогда таким не был. Замыслов Богини не разгадаешь.

— Виллина светится, — спокойно проговорил Гленн, глядя на родственницу. — Правы мудрецы и ведуньи: девство украшает девушку, но лишь материнство — женщину. Норану ведь скоро будет год, я правильно помню? — обратился к Тройду.

— Точно. — Тройд зачарованно посмотрел на супругу, которая осталась подле Нироха и о чем-то с ним оживленно беседовала. Правда, чему-то улыбнувшись, Виллина неожиданно поднялась и направилась в противоположный конец зала. К ней почти сразу подошла девушка, чертами отчасти схожая с самой принцессой. Они поцеловались в щеки и вернулись за стол, где прежде сидела незнакомка.

— С кем это разговаривает твоя жена, Тройд? — спросил Тирант, приглядываясь к девушке. — Я не помню ее. Недавно в замке, правда?

Тройд пригубил хмеля и кивнул:

— Линетта, прибыла из Ангората пару месяцев назад.

Гленн заметно оживился, уставившись на кузена:

— По какому поводу?

— Мне кажется или на Ангорате все вообще поводы упираются в волю храмовницы? — пошутил Тройд. Подошел слуга, передал, что король намерен поговорить с сыном. Принц коротко кивнул и ушел к отцу.

— Не помню ее среди сестер общины. — Гленн, хмурясь, почти не моргая, смотрел на несчастную девчонку поодаль в компании Виллины.

— Ох ладно, — встал Ронелих, приосанился, — ждите здесь.

Оставив кузенов недоумевать, Стансор стремительно пересек залу и, извинившись, обратился к Виллине:

— Любезная кузина, не найдется ли в твоём кругу дамы, которая могла бы составить компанию Роланду, а то больно тоскливая у него сегодня физиономия, и мужские толки вряд ли пойдут ему на пользу.

Ронелих был обезоруживающе обаятелен. Виллина улыбнулась в ответ, сказала собеседнице, что у них ещё полно времени на разговоры, и ушла с герцогом. Линетта проводила Виллину и Ронелиха взглядом, раздумывая, чем себя занять, и вдруг услышала над ухом мужской голос:

— Ал твой закат, госпожа.

Вздрогнув, Линетта обернулась. Друид перед ней был хорошо знаком: Гленн, сын Первой среди жриц. А вон тот здоровенный, за его спиной, наверняка Тирант, хотя с ним Линетта не встречалась прежде.

— Богиня в каждом из нас, в сердце и разуме, на земле и на небе, — безотчетно отозвалась жрица. Гленн улыбнулся. В руке его была чаша с вином, и он протянул жрице напиток. Не сводя с друида глаз, Линетта пригубила, отдала Тиранту. Тот, отпив, впихнул сосуд обратно в руки Гленна: по закону гостеприимства предлагающий всегда пьёт последним.

— Я — Линетта, — опустила она глаза.

— Тирант, — влез светлокудрый громадина.

— Гленн, — закончил друид. — Я, к своему стыду, совсем не помню тебя.

— Я приехала недавно по велению храмовницы, которая просила передать вам материнский привет и интересовалась, когда сыновья навестят ее.

Братья сели по обе стороны от жрицы.

— Да как только, так сразу! — ответил Тирант. — Разберемся с варварами, уладим дела в дружине — и, ежели король позволит, навестим.

Гленн с трудом удержал смех: хорохориться Тирант всегда горазд, но по доброй воле он бы ещё сотню дел придумал (хоть червей на крючки насаживать кинулся, ей-богу), а на Ангорат не сунулся. Великой храмовницы Этана, кровной матери, он боялся куда больше, чем помереть в бою.

— Как поживает уважаемая мать? — вкрадчиво спросил Гленн.

— Госпожа в добром здравии, свято и неумоимо исполняет высокий долг храмовницы. — Линетта потерла висок: голова немного кружилась от духоты.

— Ладно, — нетерпеливо протянул блондин, чувствуя себя лишним, — нашли время разводить болтовню о... непонятно о чем. — Тирант не нашелся с претензией и, гаркнув имя какого-то дружинника, который первым попал в его поле зрения, размахисто и неуклюже зашагал к нему.

Линетта вздрагивала с каждым удаляющимся шагом Тиранта: пол под скамейкой, где они сидели, дрожал, пока увалень удалялся. Гленн, почувствовав девичье неудобство, проговорил, словно извиняясь:

— По правде сказать, Тирант не особо набожен, хоть и приходится сыном той, что стоит к богам ближе всех.

Линетта улыбнулась, не понимая, как Гленн может находить это нормальным. А тот между тем предложил жрице руку и увлек от столов к скамейкам, расставленным вдоль стен. Линетта даже не поняла, как оказалась на лавочке у входной двери, из-за которой в залу

вливался свежий воздух. По дороге сюда Гленн сумел выхватить какого-то слугу и попросил два бокала колодезной воды. Протянув один девушке, жрец улыбнулся:

— Сколько знал жриц, здешнее вино им не в радость.

Линетта посмотрела на друида с благодарностью и сделала несколько жадных глотков.

— Давно ты закончила обучение?

— В конце июля.

— Совсем недавно, — сорвалось у Гленна.

— Точно. И я тебя хорошо помню.

— Кажется, я устыжен, — признал друид.

— Нет-нет, я не хотела тебя упрекнуть, — забеспокоилась девица. — Оно и понятно, ты производишь от обеих династий, всегда находился подле матери или отца или рядом со Второй среди жриц как ее брат — в конце концов, такова была твоя обязанность долгое время, — тараторила девушка. — А я... я самая обычная среди сестер, и когда мы в последний раз пересекались на обрядах, едва вступила в пору взросления. Естественно, что ты не мог меня ни приметить, ни запомнить. — Она отвела взгляд.

Заметив ее неловкость, Гленн спросил:

— Надолго ты здесь?

— Не знаю точно, — жрица пожала плечами, — госпожа сказала надолго, но сроков не называла.

— Да, — Гленн почесал бровь, — я иногда отвыкаю, что все, кто выходит из Ангората, неукоснительно и без расспросов следуют воле моей матери.

— Ибо ее слово — это слово Богини, ее длань — лишь продолжение другой всемогущей длани.

Гленн неслышно усмехнулся: в семнадцать он рассуждал так же. Да и сейчас, в двадцать шесть, Гленн не изменил взглядов, просто общение с Тирантом спасает его от привычной жреческой одержимости.

— А ты в каком возрасте получил их? — спросила жрица, взглядом указав на вайдовые крылья на лбу мужчины.

— В девятнадцать. — Увидев, как расширились глаза собеседницы, пояснил: — Да, для сына храмовницы и Верховного друида я несколько поздний жрец.

— Удивительно, насколько вы несхожи с братом, — только и нашла девушка.

— Верно, каждый из нас...

На другом конце зала взмыленный, наскоро прибывший гонец от Берада Лигара сообщил королевской чете о смерти старого Грея.

— Отец, — тихонько вымолвила Гвендиор, поднимаясь и пошатываясь. — Надобно прекратить пир, сказать на кухне о постной пище на неделю и отдать распоряжения по ношению траура, — прошелестела женщина, как-то странно поглядев на мужа.

— Мы обо всем позаботимся, — неспешно отозвался Нирох, хотя Гвендиор не особо походила на скорбящую дочь. — Виллина, — позвал король.

«Нет, только не она! — подумала Гвен. — Только не эта маленькая сучка! Виллина будет распоряжаться в ее доме? Виллина будет отдавать указания в честь самого ярого из всех христиан страны? Кто угодно, но не она!»

— Нет, пусть этим займется Изотта, — указала королева на свою служанку. — Я пойду в молельню. Не беспокойте меня.

— Как пожелаешь, — не глядя, кивнул король. Реакция ее на смерть родителя была мало

сказать что странной, но навязываться Нирох не стал.

Шепоток успел пробежать по рядам, все разговоры затихли. Нироху не составило труда обратиться к присутствующим. Он сообщил известие и велел расходиться: христиане или язычники — смерть уважают все люди.

Гвендиор зашла в покои, даже не подумав идти в часовню. Стоило запереть за собой дверь, женщину затрясло. Ни о какой любви речи не шло: со слезами находили выход напряжение и усталость долгих десятилетий, которые, даже будучи королевой, Гвендиор прожила в страхе перед Греем. Она ненавидела его: отец сломал ей жизнь. Она нуждалась в нем: отец был тем оплотом христианства, который незримо, но ежечасно поддерживал силу ее собственной веры. Грей был символом догмата, непримиримости со всей языческой мерзостью. Гвендиор не застала его умирающим, гнилым и тщедушным стариком, и в ее памяти отец навсегда остался олицетворением железной булавы, сокрушающей весь мир за стенами монастырей.

Только к глубокой ночи королева смогла наконец признаться себе, что жить стало легче. А обнаружив честность и приняв свой грех, самое время замолить его. В храме.

На рассвете по ушедшему герцогу в придворной часовне королевского замка прошло отпевание.

Ронелих испросил у слуги письменных принадлежностей. Не в пример многим знатным мужчинам Ронелих, как наследник Мэинтарского герцогства, был обучен грамоте, поэтому услугами писцов пользовался редко. Вот и сейчас мужчина сам принялся за послание сестре, которая, со слов Элайны (они постоянно поддерживали переписку), серьезно враждовала со свекром. Хотя и согласилась выхаживать старика до конца.

Ронелих крутил в пальцах перо, время от времени грызя его кончик: сочувствовать или поздравлять сестру — было неясно.

Вошел Роланд:

— А я все думал, куда ты пропал... — Брат заглянул через плечо Ронелиха на стол и почти безучастно добавил: — Кому пишешь?

— Герцогине Лигар, более известной как «сестра».

Роланд, не изменившись в лице, со скукой спросил:

— Зачем?

Ронелих не нашелся с ответом: что значит «зачем»?

— У нее есть муж, — заметил Роланд. — Правда, едва ли у него еще остались силы радовать женщин.

— Это не наше дело, — оборвал старший из братьев.

— Зато, если бы у Кэя нашлось для нее внимание и время, думаю, наша сестра-жрица была бы счастливее. Особенно теперь, когда старый Грей помер, как...

— Заткнись.

Роланд смерил брата оценивающим взглядом.

— Я зашел сказать: лошади готовы. Можем ехать.

Ронелих кивнул и мотнул головой в сторону двери. Наскоро закончив письмо, велел поживее сыскать гонца и отправился в родное герцогство.

Шиада ужинала в безмолвии — Кэй, наскоро перехватив еды, оставил ее в одиночестве, а Берада за столом вовсе не было. После ужина жрица несколько часов провела в молельне, а когда отправилась спать, в одном из коридоров замка увидела, как из покоев Берада вышла

обнаженная пышнотелая служанка, закутанная в простыню. Последняя, поняв, что обнаружена, пискнула и убежала. Берад задержался в дверях, недоумевая, и вскоре узрел жену. Шиада прошла мимо с таким видом, будто сам факт нахождения рядом с мужем вызывал у нее острые приступы дурноты. Осторожно затворив дверь, герцог вернулся в комнату и, сев на кровать, громко выругался.

Заснула Шиада быстро и глубоко. Великое предназначение Второй среди жриц требует от нее прожить долгую жизнь и вложить в исполнение Замыслов все силы. Поэтому их нужно беречь.

В последующие дни Шиада украдкой бросала любопытствующий взгляд на служанку всякий раз, когда пересекалась с ней. И всякий раз женщина не осмеливалась поднять глаз. Через неделю жрица застала ее на кухне, рыдающей, уткнувшись лицом в колени старшей поварихи. Еще через пару недель жрица поняла, что служанка немного прибавила в весе.

«В конце концов, это в его природе», — рассеянно подумала жрица, минуя вечером коридоры замка. Глубоко вздохнув, постучала и вошла в спальню Кэя. Тот стоял раскинув руки — его раздевала служанка. Завидев мачеху (Кэя передернуло, едва она появилась), молодой человек велел служанке выйти.

— Чем обязан? — проговорил удивленно, когда остался с Шиадой наедине. С самого первого дня их сосуществования молодые люди условились, что никаких обращений вроде «мачехи», «матушки», «пасынка» или «сынка» не примут — в конце концов, прежде они знали вполне дружески. До выходки Берада с женитьбой.

— Хочу спросить кое-что, так, чтобы об этом никто не узнал.

— Я слушаю, — ответил молодой человек, подал Шиаде руку и проводил в кресло. Сам сел на кровать.

— Сколько у твоего отца бастардов?

Кэй выпучил на жрицу глаза, но быстро взял себя в руки.

— Два сына и дочь.

— И где они все?

— Шиада, неужели...

— Где? — спокойно повторила жрица.

— За пару недель до женитьбы отец распорядился, чтобы братья переехали к Ардену. Ну, ты помнишь его, это папин крестник.

— Зачем это потребовалось?

— Не хотел задевать твоих женских чувств. Ну, так, во всяком случае, выглядело и так он нам сказал.

Жрица немного отклонилась, моргнула и расхохоталась. И чего здесь смешного? Кэй свел брови.

— А дочь? — спросила, немного успокоившись. Надо же, присмотрелась жрица к мужчине: когда Кэй хмурится, становится до жути похож на деда в молодости.

— Мира, ей четырнадцать, ты видела ее среди служанок.

Жрица взметнула брови — и впрямь частенько видела девчонку, которая в присутствии герцогини держалась больно уж раболепно. Рукастая.

— Отец переживал, что тебя это будет беспокоить, — продолжал Кэй. — «Будущая герцогиня слишком молода для подобного», — сказал он. Ну или как-то похоже. Короче, замковым строго-настрого запрещено болтать в твоём присутствии о папиных бастардах.

Ага, а вот плодить их он по сей день себе не запретит». — Жрица взметнула бровь.

— Я не знаю, как у вас в Мэинтаре, но здесь ни одной женщине ни мой дед, ни отец не позволяли той свободы, какой располагаешь ты. Я бы даже сказал, что отец вообще никому не позволял такой свободы... — Кэй неожиданно утих.

— Если Берад не хотел, чтобы я знала, зачем ты мне рассказал?

— Потому что ты спросила.

— И ты ответил, зная, что отец против?

— Я не отец, — просто и уверенно ответил Кэй, стягивая рубашку. Видя недоумение Шиады, молодой мужчина пояснил: — Я не верю, что тебя это может ранить, обидеть или еще что-нибудь подобное. К тому же всем известно, что вы не любите друг друга, так что ваши отношения тоже не пострадают.

«Идеальный Лигар, — подумала жрица, глядя на мужчину. — До последней кровинки». Шиада поднялась:

— Спасибо за ответы и прости за беспокойство.

— Да чего уж, — отозвался Кэй. — В конце концов, мы живем под одной крышей.

Кэй смолк, не сводя с Шиады чернящих глаз. Жрица кивнула, не улыбнувшись, и вышла.

На другой день Шиада отправила Гвинет с подарком к мужу. Женщины, кроме одной, были не вхожи в кабинет и покои герцога без приглашения. Но о том, чтобы передать пошитые тунику с плащом собственноручно, жрица даже думать не думала. Берад был удивлен, услышав от стражника о визите «служанки ее светлости». Ну право, такие вещи не случаются каждый день, должна же быть причина, по которой Гвинет что-то забыла в его кабинете.

— Пусти.

Гвинет бухнулась в пол у самого порога.

— Я п-прошу прощения, — заикаясь, сказала она, — госпожа велела передать вам это, — она протянула руки со сложенными на них плащом и туникой.

— Поднимись ты, — велел Лигар, отрываясь от просмотра описаний древних фамилий Иландара. — И подойди ближе. Что там?

— Туника и плащ. Ее светлость сготовила их для вас и велела передать.

«Подарок? От Шиады? Что за напасть... Не дай бог, снег выпадет раньше времени или, наоборот, боярышник во дворе зацветет».

Гвинет ждала.

— Разверни! — прочистив горло, приказал Берад.

Служанка послушно разложила тунику поверх бумаг и развернула плащ, держа в руках. Берад обомлел — искусная работа, плащ прекрасного кровавого оттенка, расшитый серебряными нитями. У оторочки плаща жрица вышила грифона — фамильный герб Лигаров.

Он немного помолчал, коснулся мягкой ткани и проговорил:

— Герцогиня выделала это в последние дни?

— Нет, милорд. На такую работу уйдет не один месяц.

Берад кивнул:

— Отнеси в мои покои и передай госпоже благодарность.

«И всего?» — чуть было не вырвалось у служанки, но она вовремя убежала.

На этом поводы для изумления Гвинет не кончились. Когда она передала благодарность Шиаде, та и бровью не повела.

— Вас не удивляет, что он даже не захотел примерить их? Даже плащ не накиннул!

Если уж кто из слуг знал больше всего нюансов в отношениях герцогской четы, то именно она, Гвинет. И после такого явного изъявления благосклонности, полагала женщина, герцог не мог остаться равнодушным. Обязан был расцвести, как подснежник, и кинуться к ногам ее светлости.

Шиада между тем ничего не ответила, заплетая волосы Неларе.

— Спасибо, Гвинет, — проговорила наконец. — Можешь идти.

Когда Шиада с Неларой остались вдвоем, девица поинтересовалась:

— А почему вы сами не поднесли?

— Жрица выткала, служанка отнесла. Каждому свое дело, — неопределенно ответила Шиада.

— А как же дело жены?

Шиада со всей силы дернула одну из прядок.

— Ой! — взвизгнула Нелара. — Простите, миледи.

Молча улыбнувшись, Шиада помедлила с ответом, но потом объяснила:

— В свете некоторых событий, боюсь, герцог весьма неблагоприятно воспринял бы такой мой жест, как собственноручное подношение подарка.

— А по вас не скажешь, что вы дорожите мнением окружающих.

— Я и не дорожу. В конце концов, я не первый месяц практически ежедневно заплетаю твои волосы, хотя должно быть наоборот. Но некоторые обстоятельства независимо от меня высветили бы мое подношение в искаженном и оскорбительном виде. Это недостойно Второй среди жриц.

— Вы все еще тоскуете по дому? — спросила Нелара, верно уловив последние интонации госпожи.

Проницательная, чтоб ее.

— Это больше, чем дом, Нелара. Я просыпаюсь и засыпаю с мыслью о нем.

— Это, должно быть, удивительное место.

— Это святыня, — ответила жрица, вправляя последнюю тонкую косичку в своеобразный венок из подобных кос, надо лбом. — Ну все, ты готова.

— Благодарю, ваша светлость.

— Пойдем, надо заняться делами.

За обедом Шиада смирив мужа надменным взглядом — надо же, даже на обед не надел. Впрочем, ей какое дело, свою работу она выполнила, попыталась отмахнуться жрица. Но женское самолюбие поведение Берада поскребло. Лигар втайне ликовал от ее замешательства.

«Твое право!» — вздернула подбородок и едва не поперхнулась. Когда трапеза завершилась, Берад, проходя мимо, предупредил жену:

— Я зайду вечером.

Шиада не соизволила даже кивнуть.

Берад явился далеко за полночь.

— Какой ранний у тебя вечер, — проговорила жрица, сидя напротив тускло горящего камина.

Много часов они проговорили в этом месте, думала женщина. В полумраке ее лицо, по которому плясали тени прожорливого пламени, казалось устрашающе далеким и заманчиво

близким одновременно. У чудищ с женскими ликами из легенд были, должно быть, такие же.

— Уже часы Нанданы.

Должно быть, это значит, что он опоздал. Но ведь они и не договаривались о каком-то конкретном времени.

— Ты все-таки ждала?

— Как видишь.

— Прости, что поздно. — Герцог сел в соседнее кресло. Через мгновение раздался легкий женский смехок. — В чем дело?

— Мы сидим перед камином поздним вечером, в день, когда ты пребываешь вне ратного поля, и беседуем — все, что ты хотел. Помыслы, страхи, чаяния создают нашу жизнь из ничего. Твоя мечта исполнилась, Берад. Не так, как ты хотел, но исполнилась.

— Конечно, — прозвучало с той иронией, какую может позволить себе только человек, который страдал всю жизнь.

Шиада поняла, что глубокомысленные беседы о сотворении сущего сейчас лучше опустить. Она быстро подхватила тон супруга:

— Другие твои мечты, как я понимаю, с успехом выполняют прочие женщины замка.

— Я бы сказал, они выполняют твой долг.

— Око за око, — благосклонно кивнув, улыбнулась женщина. — Ладно тебе, Берад, мы стоим друг друга.

Несколько минут спустя Берад признался:

— Твой подарок шикарен и очень мне понравился. Спасибо.

— Однако не настолько, чтобы примерить его.

Глупая. Разумеется, он уже пять раз его примерил. Наедине, чтобы никто не видел.

Берад потянулся в сторону, к женщине, взял ладонь Шиады, заставив обернуться.

— Он мне понравился, — повторил мужчина, — но я не покажусь в этой одежде, пока ты сама ее на меня не наденешь. Зачем ты послала Гвинет?

— Не суть важно, — холодно ответила Шиада и вновь уставилась на огонь. Правы древние — вечно можно смотреть на пламя.

Берад не выдержал: соскочил с места, встал перед креслом жены, схватил за предплечья и хорошенько потряс.

— Ради всего святого, Шиада! Перестань уже играть в напыщенные игры и побудь хоть немного просто женщиной! Перестань одергивать себя от каждого жеста и слова только из стремления сохранить свое пресловутое жреческое достоинство! Поверь, эту часть твоей жизни я давно оценил, давно признал, и с тем, что ты до конца дней останешься в первую очередь жрицей, я давно смирился!!

[Купить полную версию книги](#)